

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
НОЯБРЬ 2014 г. • № 11 (217) **ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ**
Издается редакцией и Союзом писателей России

Захар ПРИЛЕПИН

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РАСХОЖДЕНИЯ

В споре с русскими националистами мне стали понятны две, весьма простые, вещи.
Во-первых, они, как и я, мягко говоря, опасаются нового распада России. Мы друг друга прекрасно понимаем.
Во-вторых, говоря об этом распаде, они делают главный акцент на проблеме национальной. Утверждается, что если Россия не будет государством русских – она обречена.

И тут уже начинаются стилистические расхождения.
Дело в том, что сам по себе этот посыл – страна распадается в силу национальных противоречий – глубоко ложный.

Смута 17-го века, февраль 17-го года, октябрь 17-го года и распад 1991 года случились по совершенно другим причинам.
Разве взятие Казани или присоединение Сибири имели отношение к Смуте? Да никакого. Февраль 17-го инцидировали казахи или башкиры? Они и не заметили, что там в Москве случилось.

Октябрьский переворот – какое имел отношение к национальному вопросу? У большевиков ни одного серьезного лозунга на эту тему не было, потом уже подвертели национальный вопрос, который сами же разрешили, впрочем, в традиционном имперском ключе.

То, что большевики – при колоссальном противодействии ряда государств (Англии, Франции, Японии и т.д.) сшили российский империю за три года (а впоследствии ещё и увеличили её территорию) – снова доказывает, что народы, населяющие империю, были готовы к дальнейшему благополучному сожительство.

События 1991 года были кроваво подсвечены армяно-азербайджанским конфликтом, и рядом других национальных конфликтов, – но вообще всё это происходило на фоне деградации власти, – при иных обстоятельствах подобные национальные вопросы разрешились на раз, и, по сути, являлись рядовыми: такие вспыхивали в XVIII-XIX веках случались постоянно. Батюшка-государь или матушка-государыня благополучно мирились входящие в состав России народы прижиком, или, иногда, мечом.
Все ссорятся, даже муж с женой.

Мало того, народы СССР в целом проголосовали за сохранение Советского Союза – то есть, по сути, сдали экзамен на право общности – и это после пяти лет чудовищного медийного шабаша на тему "так (в такой стране) жить нельзя!"

Если бы не конфликт Ельцина и Горбачёва, двух патентованных русских мужиков, никакие "национальные проблемы" вообще ни к чему не привели бы.
Даже после распада СССР, многие это отметили, руководство ряда азиатских и кавказских республик, так или иначе осознавало, что Москва в любую минуту может позвонить по красному телефону и сообщить: "Так, ребята, СНГ отменяется, собираемся в СССР" – и многим пришлось бы подчиняться.

Ещё раз: распад России всегда есть результат десакрализации русской власти (отсутствия легитимного наследника в Смуту, отречение Николая II, мощнейшая антисоветская перестроечная кампания) и того, что сегодня называется "социально-экономическими проблемами". Как правила, ситуацию усугубляет тот или иной неудачно развивающийся военный конфликт.

Национальные проблемы – всегда являются последствиями, и никогда не являются причиной распада.
Переносить с большой головы (русская сакральная власть, периодически сходящая с ума) вину на голову чуваша и калмыка – не самое правильное поведение.

К тому же, сам факт существования России как многонациональной империи, в принципе уже не отменим.

Россия не смогла (и, видимо, не особенно пыталась) русифицировать сотни народов. В лучшем случае русификация проходила по линии "приведения к кресту". ("Православный – значит, русский"). Но сейчас и это невозможно.

Все разговоры на тему удачной национальной политики Германии, Италии или Испании – в пользу бедных. Национальные различия между отдельными областями этих стран куда выше, чем разница между Калининградом, Владивостоком, Архангельском и Астраханью. Это им надо у нас учиться, а не наоборот.

По сути, ни один сложившийся народ нельзя заставить считать себя другим народом. Даже плавильный котёл США, построенный на совсем иных принципах (все изначально отказываются от своего прошлого), не сможет избить (уже не избавляет) от грядущего противостояния "латиносов", белых и чёрных.

Что-то заставляет Китай официально позиционировать себя как империю – где официально учитываются и прописаны несколько десятков народностей.

Проблема России лежит, безусловно, в необходимости построения нужной всем нам экономической модели (лево-ориентированной, безусловно), и разработки жёсткой, но мобильной системы государственного управления – имеющей истинно сакральные основания, а не сочинённые PR-технологами (к тому же, как правило, презирающими всю эту, ими самими придуманную "фифу").

Любая машина рано или поздно ломается – царь, монарх, генсек, президент – все иногда теряют голову и ориентацию в пространстве. Нужно быть к этому готовым. Но тот, кто собирается к этому подготовиться путём лишения национального кода ряда национальных общин России – занимается вообще не тем.

Русские должны быть сильными и привлекательными сами по себе, а не за счёт распыления кого-то. Будь русским и к тебе потянутся, товарищ.

Всё вышесказанное, конечно же, не отменяет того факта, что России необходимо:

- а) многократное улучшение демографической ситуации, особенно в областях, где живёт собственно коренное население;
- б) разрешение проблемы нелегальной миграции;
- в) пристальное внимание к национальным общинам, слишком усердным в попытке установления полного контроля над занимаемой ими территорией и умыленно выдавливающим русских из системы управления регионом; и т.п.

С этим всё ясно, все только за. Мы же исключительно по стилистические разногласия рассуждали.
Давайте я ещё раз повторю для закрепления. Если вам начинать говорить: "в России необходимо разрешить национальный вопрос в пользу титульной нации – иначе распад страны неизбежен" – вас немножко дезориентируют.

На Украине полгода говорят то же самое про себя, и чувствуют себя всё хуже.
Я, конечно же, не ставлю целью переубедить адептов "русской идеи" в её крайнем изводе. Их убеждения – это их религия. Я разговариваю с теми, кто ещё не утвердился в своих взглядах, и пытается понять, где правда, брат.
Попытка растворить русского человека в многонациональном супе – преступление и подлость. Попытка только русифицировать сотни народов – признак национальной слабости, косности, и, в конечном итоге отдаёт нацизмом. Грамотная, веротерпимая русская имперская политика – наша традиционная форма жизни.

де: "И вот, в одно из таких погружений, когда надо было всплывать, я вдруг почувствовала, что подо мной нет дна, такого мягкого, песчаного, знакомого и даже родного, меня снесло в яму, я стала тонуть".

Сколько таких мифостроительских ям подстерегало нашу героиню в её жизненном плаваньи. И надо сказать, что люди-облазаны, а им по Слову евангельскому, "лучше бы не родиться", алмазным резцом художника-тописателя изображены во всей своей

Сергей КОРОТКОВ

Та́йна "Романа с постскрипту́мом"

повествуется история большой любви, захватывает вас, и несёт, словно ворох осенних листьев, туда, в блаженные годы нашей молодости.
Действительно, Москва, подобно спящей царевне, открывает глаза площадей, глаза арбатских переулков, глаза ночных огней, глаза витрин магазинов и салонов красоты на натянутом, словно струна, только что взведенном, великопленном (так нам всем казалась) Проспекте Калинина. В одной из витрин – посмотрите – фотографический портрет девушки-студентки, факультетской красавицы, у которой "глаза на полтора километра вперёд светят". О, да, широко распахнутые, как открытые настёжки окна, глаза московской Ассолы заставляют останавливаться многих и многих. Не здесь ли Алексей Пушкив впервые увидел её? Как знать. Аристократически чистый лоб, губы и нос, счастливо сочетающиеся в золотом сечении, на молодом лице подающей большие надежды актрисы. И всё бы хорошо: учёба в театральной институте, похвала преподавателей, вечерние прогулки по любимой Москве...

неприглядной красе. Тут и полумифический Гамсахурдия, чьи психопатические метания чуть было не завели целый народ в ущелье ненависти и гордыни. Не каждой девушке дано противостоят тому бешеному напору, которым обладает человек-кентавр. И здесь мы видим, что приватная история порядочность всегда даёт отпор насилию.

Тут и режиссёр, унижающий актрису своей некротимой похотью, и женщина-вамп, готовая на всё ради нестандартных наслаждений плоти. Так что мейнстрим вполне современный. Но как же мало осталось стойких оловянных солдатиков и кукол-невалёшек в сегодняшнем искусстве! Впрочем, они всегда есть, не стоит село без праведника, они всплывают из гибельных пучин мира, чтобы потом поведать нам о бесконечной силе Любви.

Как выстоять? Не упасть в грязь, когда толкают, и заманивают. На что опираться в минуты скорби и сомнения? Откуда черпать силы гамлетовского сопротивления?
Ответ Нины Пушкиковой традиционен в лучшем смысле этого слова. От родимой почвы, от корней, от неба русского, от тех, гонимых, раскулаченных, кто крест несли свой достойно и умилительно, не проклиная страны, не предавая её святынь, завещающая детям свою Веру в Россию. Молодая семья – это раковина, где в таинственном сумраке растёт жемчуг характеров, чтобы потом просиять на миру во славу супружеской четы.

И в книге красной нитью прослежи-

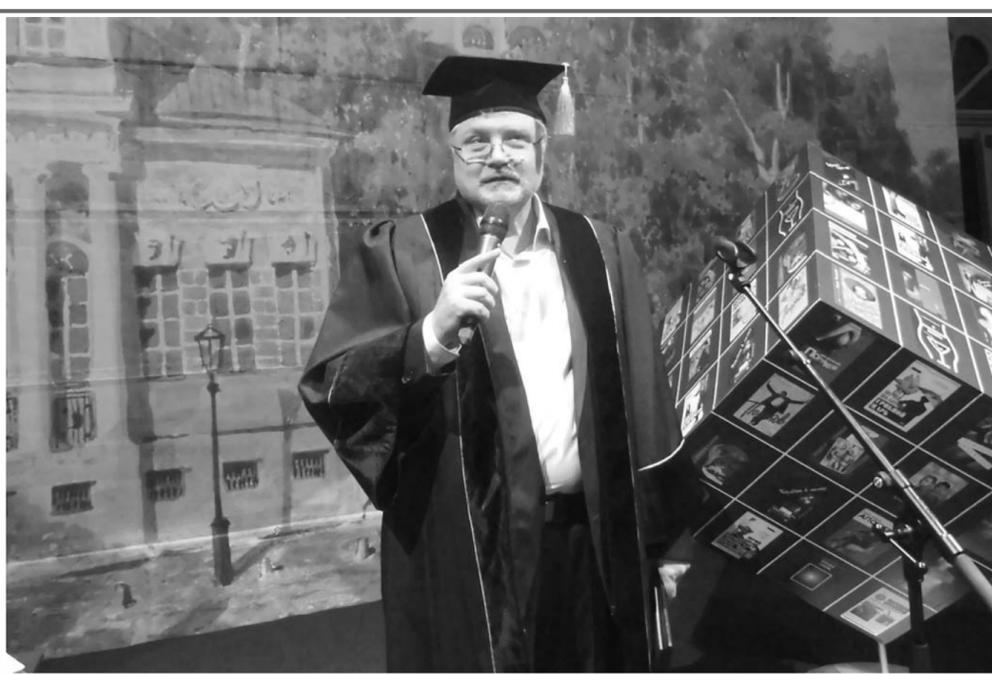
вается восхождение героини к пониманию своей роли в тандеме, своего долга перед избранником по любви супругом. И её избранник, говоря высоким стилем, оправдал упование и употребил все силы для служения родной стране и людям, живущим на бескрайних просторах России.

Общение с сильными мира сего, те мелкие детали, подробности (в которых, как говорится, "бог"), красноречивее иных занудных объяснений показывает нам изнанку западного мира. Без гнева и пристрастия, но с придирчивой точностью кинодокументалиста,

ведётся повествование о её странствиях по белому свету. Прежде всего, объективность автора заставляет нас даже полюбить некоторых персонажей, которые, может быть, в контексте нынешних событий не всем симпатичны. Это и Клинтон, и Горбачёв, и известный советолог Киссенджер, бывший президент США Джеральд Форд, их жены. Характеры очерчены быстрым пером журналиста, это живые люди, во всём их многообразии. А сколько истинных талантов вошли в книгу по праву их взноса в тот улей, что зовётся великим искусством! Дворецкий и Янковский, Никас Сафронов, Илья Глазунов, Церетели и Волочкова и многие-многие другие. Общение с этими людьми, щедро отдающими своё знание жизни, несказанно обогатило писателя Нину Пушкикову.

Исподволь, глава за главой, в книге ведётся тонкая, тайная работа по выявлению второй, быть может, самой важной составляющей судьбы. Становится понятно, что без твёрдой мужской опоры, без фантастического трудолюбия мужа, крупного государственника и талантливого тележурналиста, не состоялась бы эта исповедальная книга, в этом и есть внутренняя, сокращенная от посторонних глаз, тайна "Романа с постскриптумом". Ведь "Постскриптум" Алексея Пушкикова – прежде всего творческое озарение, их общее любимое дело, подвизничество во имя Родины.

Думается, сама жизнь допишет эту книгу своими непредсказуемыми письменами.

Юрий ПОЛЯКОВ. С шестидесятилетием!

К 60-летию Юрия Полякова

Вот и Юрий Поляков пополнил наши ряды писателей-шестидесятников, и далее... Жаль, но всему приходит время гению, а потом уже пошло праздновать на юбилеем дружили мантию почётного профессора Московского областного пединститута, ставшего ныне университетом, который он в своё время закончил. Выглядел он в профессорском клобуке вполне эффектно.

Владимир БОНДАРЕНКО

Впрочем, говорят, с шестидесяти до творчестве одинаково – "гротескный реал-

"Когда стали выходить номера, которые готовила новая команда, нас страшно критиковали. Это была свободолобивая газета – и она осталась свободной, но мы стали полифоничны. Потому что беда нынешних изданий в том, что там печатают только единомышленников. А читателю наплевать, что эти авторы – единомышленники главного редактора, им хочется знать самые разные точки зрения, чтобы сравнить", – замечает Юрий Михайлович.

Сам Юрий Поляков и в жизни, и в творчестве одинаково – "гротескный реал-

Еще один шестидесятник...

семидесяти самый творческий возраст, рука набита, опыт есть, и энергия брожения ещё не покинула. Свой юбилей Юрий Поляков праздновал в Атриуме музея А.С. Пушкина. Рядом выставка, посвящённая 200-летию великого Михаила Лермонтова. Так что мы сначала прикоснулись к нашему гению, а потом уже пошли праздновать на юбилеем дружили мантию почётного профессора Московского областного пединститута, ставшего ныне университетом, который он в своё время закончил. Выглядел он в профессорском клобуке вполне эффектно.

"Рано встаю..."

К 60-летию Юрия Полякова

Дорогой Юрий Михайлович, помнишь, как мы плыли с тобой на теплоходе по чудесным русским рекам, по восхитительным осенним разливам? По сторонам зеленели леса, по берегам пели соловьи. Мы проплыли мимо восхитительных монастырей, любовались чудесными фресками. На нашем ковчеге были монахи, лётчики, философы, художники. Как нам было хорошо с тобой в этом русском братстве, на этом русском священном корабле среди единомышленников и братьев по духу. А ещё помнишь, Юрий

С нашего Ковчега

Александр ПРОХАНОВ

Михайлович, то кромешное время, когда меня, грешного, травили собаками, гнали по всем закоулкам, по всем углам, не пуская нигде, клеймили, называли фашистом, я был исчадием ада, мною либералы и демократы пугали детей, я был проклятым, а ты, работая на телевидении, пригласил меня в свою передачу. И как я был восхитён этим поступком! Как я увидел в тебе единомышленника и брата, человека бесстрашно, человека русской воли и русской красоты.

Помню, Юрий Михайлович, когда достопочтенная "Литературная газета" вручала мне премию Дельвига, удостоив меня "Золотого Дельвига", я сидел взволнованный, ожидая награждения, и смотрел на тебя. А ты хлопотал, вскакивал, убегал за кулисы, возвращался. И с каждым твоим возвращением ты всё молодел, глаза твои наполнялись мальчишеским восхитительным светом. И когда награждение состоялось, как мне дорого было конючиться с тобой и принять от тебя поздравления.

Ты возглавил "Литературную газету", которая была для меня не просто газетой. Советская "Литературная газета" была для меня школой. Она посылала меня во все горячие точки, начиная от Даманского и кончая Афганистаном. Она учила меня социальному взгляду, социально-полити-

ческой военной журналистике. Она учила меня представлениям, связанным с ответственностью художника и писателя, трагического самые острые, большие и грозные темы Родины. И когда произошло непредсказуемое, когда стал разрушиться Советский Союз, "Литературная газета" из высококобой, пускай свободомыслящей и либеральной, но всё равно абсолютно достойной и во многом центральной газеты превратилась в гнездовье радикальных либералов. Оттуда ушли все приличные люди, и там образовался клубок змей, который травил в том числе и меня, опытного сотрудника газеты, принадлежащего к этому цеху. Как

страшно мне было видеть это массовое предательство, вероломство, падение и разрушение этого исторического печатного органа.

И когда ты пришёл туда, я наблюдал за тобой, как трудно было тебе оказаться в этом ядовитом скопище, среди этих каракатиц, которые выпускали на тебя тучи чернильного смрада. Но ты своими усилиями, своим тактом, своей мудростью, своим умением обращаться с людьми выплавил этот накренившийся на борт ковчег русской журналистики, придал ему устойчивое положение, сбалансировал духовные и политические силы, которые пребывали в этом ковчеге. И теперь он плывёт ровно, целеустремлённо и истинно по намеченному тобой маршруту.

Когда я смотрю на сегодняшнюю "Литературную газету", перелистываю большие, знакомые мне даже по запуту её листы, смотрю на профиль Пушкина и на профиль Горького, которые ты вернул на страницы газеты, я думаю, что из этого ковчега есть прекрасная статуя. И как ни странно, эта статуя каким-то загадочным образом повторяет твои черты и в фас, и в профиль. Я думаю: Боже мой, неужели тот художник, который своим резцом создал эту статую, так хорошо знал и любил тебя? Дай Бог тебе дальнейшего счастливого плаванья.

ПЛЕТЬ

Молчи, сплетай хвосты камчи
Жгут от тяжёлым, сырмятным,
Безмольем, только миру внятным,
Боль пустоты перекричи.

Молчи, ещё в густой ночи
Не смолкли бляевые и топот,
Ещё не завершился опыт
Свобод в империи Джучи.

***
"и комиссары в пыльных штемах..."
Это путь от ножа до ножа,
До прорубленной танком межи,
За которой плевки калаша
На помин отлетевшей души.

Если против кого-то дружить –
Стиснув зубы, сцеплением рук...
Нам гражданскому не пережить,
Не утративши Родины, друг.

Обезлудела русская степь,
Нет деревьев в дали за рекой.
Если эта последняя цепь
Разомкнётся – не свяжем другой.

И тогда комиссары ЕС,
К мёртвым лицам беззусым склоняясь,
Разверстают Московию без
Нас – уже никого не боясь.

В НЕБЕ НАД КРЕМЛЁМ

Замечена пирамида
От небесного Египта
В небе знаки манускрипта
Или месседжа Кремлю...

Семь вселенских Иерархов
Рима Третьего монархов
Поддержав, ведут к рулю –
Плеть большому кораблю!

***
Славен Гор и мать Изида,
Русь – большая пирамида,
Что пронзает времена...

Что ж ты хапашешь, детина,
Это путь, а не путина...
Да держи штурвал, скотина!
Не дремает сатана,
Не поднят потом со дна.

СИНДРОМ ЛЕВШИ
Самовар полетел в Ле Бурже,
Возвещая и граду, и миру
О весёлом пропойце Левше,
Что в таланте сжигает гамыру.

Вертикальному взлёта предмет –
Самодвижец! не просто тарелка!
В брюхе пара крылатых ракет,
А пилотами – Белка и Стрелка.

Духа медна един экземпляр
На спор собран в КБ Королёва.
Нам в ломы тиражировать дар,
Дело плёво, а слова – рублёва.

Вся Россия –
сплошной эксклюзив!
Пушкин, Гоголь, Надёжа и Вера...
И летят, парижан паровоз,
Таз, матрас, самовар и фанера!..

***

Рисую вензель на капоте
В помин о Карле короле...
Ах, Гарри Потер, Гарри Потер,
Летел бы ты на помеле!

Зелёный змей со дна сосуда
Мне шепчет ласково, как брат:
"Для тиражированья чуда
Потребны вера и талант".

***
Я не отдам тебе ни ярда
Сна, патентованного мной –
Ни строчки Киплинга Редьярда,
Ни ядья Индии цветной.

Ни старой Англии балладу,
Ни Грэмпис вересковый мёд...
Подайте плагу! Влейте яду!
Король взойдёт на эшафот.

***
А царский смех, седой и грозный,
Охоту праздную, как встарь:
Вот кречета стрелой морозной
С руки своей пустил январь.

Когтит, когтит добычу кречет,
Кружится в поле белый пух...
А если кто царю перечит,
Бежит, меняя счёт на нечет

Да рваный чег на следу мечет,
Тем – выбьют дух.
Вам до Звезды владыка Холод
Ниспослан. Это ли не Суд?

А полдень надвое расколот!
И солнца златопенный след
Царю опричные несут.

(окончание на стр.7)

И ГОРИЗОНТ НЕОХВАТЕН И РДЯН... Владимир БЕРЯЗЕВ

Молчи. И вновь во тьме сучи
Кошму раздоранных столетий,
Вплетай свинчатку в тело плети
И угли шевели в печи.

Молчи, молчи, пока лучи
Смоют степь дугою выгнуту,
Чтоб тень свою тебе настигнуть
Убойным повсютом камчи.

***
"и комиссары в пыльных штемах..."
Это путь от ножа до ножа,
До прорубленной танком межи,
За которой плевки калаша
На помин отлетевшей души.

Если против кого-то дружить –
Стиснув зубы, сцеплением рук...
Нам гражданскому не пережить,
Не утративши Родины, друг.

Обезлудела русская степь,
Нет деревьев в дали за рекой.
Если эта последняя цепь
Разомкнётся – не свяжем другой.

И тогда комиссары ЕС,
К мёртвым лицам беззусым склоняясь,
Разверстают Московию без
Нас – уже никого не боясь.

Славен Гор и мать Изида,
Русь – большая пирамида,
Что пронзает времена...

Что ж ты хапашешь, детина,
Это путь, а не путина...
Да держи штурвал, скотина!
Не дремает сатана,
Не поднят потом со дна.

СИНДРОМ ЛЕВШИ
Самовар полетел в Ле Бурже,
Возвещая и граду, и миру
О весёлом пропойце Левше,
Что в таланте сжигает гамыру.

Вертикальному взлёта предмет –
Самодвижец! не просто тарелка!
В брюхе пара крылатых ракет,
А пилотами – Белка и Стрелка.

Духа медна един экземпляр
На спор собран в КБ Королёва.
Нам в ломы тиражировать дар,
Дело плёво, а слова – рублёва.

Вся Россия –
сплошной эксклюзив!
Пушкин, Гоголь, Надёжа и Вера...
И летят, парижан паровоз,
Таз, матрас, самовар и фанера!..

Рисую вензель на капоте
В помин о Карле короле...
Ах, Гарри Потер, Гарри Потер,
Летел бы ты на помеле!

Зелёный змей со дна сосуда
Мне шепчет ласково, как брат:
"Для тиражированья чуда
Потребны вера и талант".

***
Я не отдам тебе ни ярда
Сна, патентованного мной –
Ни строчки Киплинга Редьярда,
Ни ядья Индии цветной.

Ни старой Англии балладу,
Ни Грэмпис вересковый мёд...
Подайте плагу! Влейте яду!
Король взойдёт на эшафот.

***
А царский смех, седой и грозный,
Охоту праздную, как встарь:
Вот кречета стрелой морозной
С руки своей пустил январь.

Когтит, когтит добычу кречет,
Кружится в поле белый пух...
А если кто царю перечит,
Бежит, меняя счёт на нечет

Да рваный чег на следу мечет,
Тем – выбьют дух.
Вам до Звезды владыка Холод
Ниспослан. Это ли не Суд?

А полдень надвое расколот!
И солнца златопенный след
Царю опричные несут.

(окончание на стр.7)

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: http://zavtra.ru/**

ИНФОРМБЮРО

11 ноября 2014 года в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя в Москве состоялось пленарное заседание XVIII Всемирного Русского Народного Собора, посвященного в этом году теме "Единство истории, единство народа,

РФ генерал-полковник полиции В.А. Колокольцев; генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка; представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе А.Д. Беглов; митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий; глава Республики

ва, национальной политики и связей с религиозными организациями г. Москвы Ю.В. Артюх; заместитель главы Собора, заместитель главы Собора, председатель Союза писателей России В.Н. Ганичев; председатель Центрального духов-

Заместитель главы Собора В.Н. Ганичев произнёс вступительное слово и объявил XVIII Всемирный Русский Народный Собор открытым.

К собравшимся обратился Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Полномочный представитель Президента России в Центральном федеральном округе А.Д. Беглов огласил приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина. К собравшимся обратился председатель Государственной Думы ФС РФ С.Е. Нарышкин.

Первый заместитель председателя Совета Федерации А.П. Торшин огласил приветствие председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко.

Руководитель Департамента межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями г. Москвы Ю.В. Артюх зачитал приветствие мэре Москвы С.С. Собянина.

В.Н. Ганичев зачитал приветствие председателя Правительства РФ Д.А. Медведева.

Также выступили глава Республики Северная Осетия-Алания Т.Д. Мамсуров, председатель Центрального духовного управления мусульман, верховный муфтий России Т. Таджуддин, член Совета БРНС, председатель Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции И.А. Яровая, руководитель фракции КПРФ в Государственной Думе ФС РФ Г.А. Зюганов, руководитель фракции ЛДПР в Государственной Думе ФС РФ В.В. Жириновский, руководитель фракции "Справедливая Россия" С.М. Миرون, ректор Московского инженерно-физического института М.Н. Стриханов, советник Президента РФ С.Ю. Глазьев, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по делам национальности М.Е. Старшинов.

Предстоятель Русской Церкви обратился к участникам первого пленарного заседания с кратким заключительным словом.

Писатели России последние месяцы с тревогой наблюдали за ситуацией, стремительно развивающейся вокруг писательского Дома на Комсомольском, 13. Нет необходимости подробно останавливаться на всех нюансах отставания нашего дома.

Союз писателей выработал

ВСТРЕЧА В МИНИСТЕРСТВЕ

чёткую и однозначную позицию: до тех пор, пока не будут даны юридические гарантии нашего возвращения на свои площади, Хотим подавать на нас в суд (единственная форма принудительного выселения) — мы к этому готовы.

13 октября в газете "Известия" был опубликован материал, в котором рассматривался вопрос о лоббировании Министерством культуры своих интересов при выселении писателей. В тот же день на телевизионном канале сюжеты о ситуации с Домом писателей.

Вечером руководство Союза писателей (председатель правления В.Н. Ганичев и генеральный директор Н.Ф. Иванов) были приглашены в Министерство культуры на встречу с министром В.Р. Мединским и его заместителями для подписания Протокола Соглашения. Встреча проходила в присутствии советника президента России В.И. Толстого.

Требования сторон остались неизменными. По мнению министерства — писатели должны немедленно освободить Дом, при этом в обязательном порядке ратифицировать Договор безвозмездного пользования. В будущем Союзу обещалось предоставить новые помещения.

Отсутствие гарантий возвращения, утрата основного документа — бессрочного (!) Договора о безвозмездном пользовании, распыленность формулировок не устроили

руководство Союза, и потому в подлинном Протокола с нашей стороны было отказано. Ситуация, казалась бы, осталась в тупике, встреча затевалась зря. И тогда слово взял советник Президента России. Смысл выступления В.И. Толстого свёлся к следующему:

— Союз писателей России —

XIII Всемирный Русский Народный Собор

единство России". Заседание возглавил глава Всемирного Русского Народного Собора Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Северная Осетия-Алания Т.Д. Мамсуров; глава Карачаево-Черкесской Республики Р.Б. Темпезов; помощник Президента РФ И.Е. Левитин; председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей

ного управления мусульман, верховный муфтий России Талгат Таджуддин и другие официальные лица.

Среди участников Собора — иерархи и священнослужители Русской Православной Церкви, представители традицион-

датель Государственной Думы ФС РФ С.Е. Нарышкин; первый заместитель председателя Совета Федерации ФС РФ А.П. Торшин; министр внутренних дел

Всеволод Чаплин; статс-секретарь — заместитель министра иностранных дел РФ Г.Б. Карасин; руководитель Департамента межрегионального сотрудничест-

ных религий и общественных организаций России, лидеры политических партий, учёные, деятели культуры и искусства, военные, спортсмены.

ЮБИЛЕИ В СМОЛЕНСКЕ

Долгожданный торжественный вечер, посвященный 90-летию юбилею Смоленской областной организации Союза писателей России состоялся. Праздничное мероприятие прошло в рамках Года культуры. Инициатором проведения юбилейного вечера выступил председатель правления Смоленской областной организации Союза писателей России литературный критик, поэт, эссеист, секретарь Союза писателей России, лауреат Международной премии имени Э.Володина "Имперская культура" Олег Дорогань. Инициативу писательской организации поддержал Департамент Смоленской области по культуре, в подготовке и проведении вечера активное участие принимали сотрудники СОУБ имени А.Т. Твардовского, подготовившие видеопрезентацию и книжную экспозицию, посвя-

ценную девяностолетнюю историю Смоленской писательской организации.

И, следует заметить, зал был заполнен для предела писателями, а также теми, кто пришёл их поздравить и представителями прессы. Олег Дорогань выступил с содержательным докладом об истории организации, преодолении ею драматических периодов отечественной истории.

Поздравить с юбилеем Смоленскую писательскую организацию к микрофону выходили начальник департамента Смоленской области по культуре и туризму Ольга Корсак, исполняющий обязанности начальника управления культуры и туризма администрации г. Смоленска Вячеслав Балаев, начальник отдела профессионального искусства народного творчества и художественного образования Анатолий Бекасов, помощник заместителя председателя областной думы Николая Мартынова Лилия Раевская, председатель Смоленского морского собрания Александр Яковенко. Гости вечера поздравляли писателей с юбилеем и вручили Почётные грамоты, Благодарственные письма и Памятные адреса от своих организаций.

За поздравлениями административных структур последовали выступления представителей творческих организаций и учреждений культуры. Первое слово было предоставлено представителю Секретариата Союза писателей России и Московской городской организации СПР поэту со смоленскими корнями Василию Леонову. Он вручил Почётные грамоты Союза писателей России, поздравил собравшихся со знаменательной датой и прочёл свои стихи — объяснение в любви родной Смоленщине.

Настоящими овациями было встречено выступление известного поэта, прозаика, лауреата ряда литературных премий, председателя правления Смоленской писательской организации в 1970-х, 1980-х годах, почётного гражданина г. Смоленска Юрия Пашкова. Именно Юрию Васильевичу обязаны мы столь весомой юбилейной датой. В 1974 году Юрию Пашкову пришлось отстоять право на празднование 50-летнего юбилея Смоленской писательской организации, которая на 10 лет старше Союза писателей СССР, образованного в 1934 году.

Череду поздравительных речей прерывали музыкальные номера в исполнении детского вокального ансамбля "Согласие", солистки оперной студии Натальи Усачевой, исполнивших песни на стихи смоленских поэтов.

ХРОНИКА ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

ОБРАЩЕНИЕ известных писателей России к участникам Русского Народного Собора и к Его Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси Кириллу:

Ваше Святейшество! Писатели России в труднейшие времена разрушительной перестройки всем своим творчеством, всей своей общественной деятельностью поддерживали возрождение православия в России, его благотворное воздействие на судьбы государства и народа нашего.

Достаточно вспомнить хотя бы публикации журнала "Наш современник" за последнюю четверть века: "Негасимая лампада" Ширева, "Пирамида" Леонова, "Преподобный Сергей" Балашова, "Раскол" Личутина, "Путь Христа" Юрия Кузнецова, "Кирилл и Мефодий" Лошница, "Несвятые святые" отца Тихона, книги "Поп", "Филарет Московский" Семеня, "Росс непобедимый" Ганичева, "Великорусская Купель" Крупина, "Обитель" Прилепина, "Торжество православия" и все другие работы Митрополита Иоанна Санкт-Петербургского, а также множество публикаций наших епископов и рядовых священников, ставших известными писателями России.

А сколько было подготовлено нами исторических публикаций, начиная от известного письма В.И. Ленина 1921 года "Об изъятии церковных ценностей", до выступления местоблюстителя Сергея Старгородского 22 июня 1941 года и до стенограммы встречи Сталина с высшими иерархами церкви в сентябре 1943 г., когда было восстановлено Патриаршество. А можно ещё вспомнить беседы писателей с Патриархом Алексием II, с Вами, Ваше Святейшество, со многими Владыками и Митрополитами.

Нельзя не вспомнить писательский вклад в проведение празднеств в честь 1000-летия Крещения Руси, вспомнить труды нашего подвижника В.Солоухина в деле восстановления Храма Христа Спасителя, нашу защиту церкви от богохульства либеральной интеллигенции, организовавшей плавку в Храме Христа Спасителя, выставку "Осторожно, религия!", кощунственные выпады либеральной прессы против православия. Мы, русские православные писатели всегда давали и будем давать отпор этим, прямо скажем, сатанинским помыслам, имеющим чаще всего западное антихристианское происхождение.

Литература — есть вера и мировоззрение русского человека. О нашей истории Отечества он судит не томами профессиональных историков и архивистов, но по пушкинской "Полтаве" и "Капитанской дочке", по "Севастопольским рассказам", по роману "Война и мир", по эпопее "Тихий Дон". Мы помним, что традиции литературы, заложенные Пушкиным и Гоголем, Тютчевым и Достоевским, являются своеобразной религиозной правды и совести, мы явственно ощущаем эту Высшую волю в трудах Иоанна Кронштадтского, Павла Флоренского, Вениамина Федченкова, Луки Войно-Ясенецкого, старцев — Иоанна Крестянкина и Николая Гурьянова, благословительно владевших и пером и словом.

Да и как не вспомнить, что наша

великая литература берёт свои истоки от Митрополита Иллариона Киевского, от Пимена Летописца, от Даниила Заточника!

Нынешняя высшая церковная власть видит и понимает эти тысячелетние связи, поскольку награждает многих наших писателей церковными орденами, приглашает для выступления в православных семинариях и духовных академиях, вручает им Патриархии литературные премии...

Если "Росимущество" добьётся своего, то последствия этой авантюры будут губительными для писателей.

Если "Росимущество" добьётся своего, то последствия этой авантюры будут губительными для писателей. Легендарное Переделкино исчезнет, поскольку сегодня каждый из арендаторов-писателей оплачивает лишь 20% стоимости проживания в парковой зоне. Остальные 80% оплачивает Литфонд. И, конечно же, небогатых писателей изгонят из государственного и приватизированного Переделкино рыночными арендными ценами.

Писатели, ежегодно получающие возможность жить в Домах творчества по льготным путёвкам, которые дотируются Литфондом, потеряют эту возможность: Дома творчества будут изъяты у нас и пущены во 2-ю волну приватизации. Но это не всё.

После ликвидации Литфонда областные, краевые и республиканские отделения будут ликвидированы, что приведёт к параличу писательской жизни в провинции.

Регулярно оказываемая за счёт арендных денег медицинская помощь писателям, помощь их семьям в случае похорон, помощь писателям-ветеранам войны, помощь для издания книг, периодическая помощь со стороны Литфонда Союзу писателей России будет прекращена.

Мы послушно и в положенные сроки исправляем их и приводим в соответствие с президентскими указами об общественных организациях, но каждый раз по совершенно ничтожным и надуманным причинам нам возвращают наши документы с циничным отказом. Когда же чиновники Минюста сначала на полгода "приостановили" деятельность всех трёх писательских объединений, а потом подали в Верховный Суд РФ иск о ликвидации Литфонда России, основанного писателями-классиками XIX века 165 лет тому назад для помощи нуждающимся литераторам, то окончательно стало ясно, что их цель — уничтожить наши сообщества, разрушить связи между писателями России и СНГ, избавиться от ненужного чиновникам писательского сословия, а главное лишить писателей последне-

го их имущества. Этот план точь-точью похож на план атеистов 20-х годов по уничтожению монастырей и монашеского сословия, путём конфискации у церкви в первую очередь собственности — монастырских строений и земель.

Суть этого плана подтвердилась окончательно, когда "Росимущество" обратился за Минюстом затеяло иск о лишении собственности, которой писатели владеют по закону. Наглость

своим руками, но получили от ворот поворот. Однако их место сейчас заняли чиновники из Минюста и Росимущества. Рейдерская история повторяется.

В своей Валдайской речи Владимир Путин жёстко осудил западный мир, предавший христианские ценности, поставивший по его словам "на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в Бога и веру в Сатану". С Запада к нам ползёт зараза пострашнее лихорадки Эбола. Отразить эту экспансию можно лишь общими усилиями церкви, государства и литературы, общей волей, общей молитвой. Но для этого писатели должны ощущать в себе единую соборную душу. И попытаться на это спасительное единство могут лишь недруги России.

Мы, её писатели, в этой борьбе всегда будем с нашей историей, с нашей церковью, с нашим Пушкиным, сказавшим: "Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна". Столь же "невежественны и неблагодарны" чиновники, объявившие сегодня войну писателям. В случае лишения писателей собственности всё наше развитие разом прекратится, что, несомненно, спровоцирует недовольство писательской общественности.

В том же ряду событий, разрушающих нашу жизнь, стоит и решение Минкульта России об изгнании СП России из особняка на Комсомольском проспекте, который писатели один раз уже отстояли от демократических мародёров в августе 1991 года. Мы не исключаем, что некоторым вождам 5-й колонны хочется, чтобы православные писатели-патриоты зарезали протестными настроениями, им хочется вытолкнуть нас на Болотную площадь, поставить в одну колонну с sodomитами, русофобами, безбожниками. Но этому не бывать!

Ваше Святейшество! Просим Вашего понимания, заступничества и молитвенной помощи. Слово Патриарха чрезвычайно много значит для светской власти. Просим Вас защитить от алчного и неразумного чиновничества органические, естественно сложившиеся структуры, объединяющие писателей, верных национальным и православным традициям русской литературы.

Мировая и отечественная история ещё не завершилась, о чём свидетельствуют события на Украине, где писатели — Александр Проханов, Захар Прилепин, Сергей Шаргунов и многие другие истинные патриоты России и Украины — выполняют свой гражданский и христианский долг летописцев и миротворцев.

У русской православной церкви нет в гражданском обществе более верного и преданного союзника, нежели писатели-патриоты.

Их содружество ещё не раз поможет, как во время нынешней украинской смуты, и светской власти, и нашему народу, и нашей вере православной устоять в истине.

С глубочайшим почтением — лауреаты Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: В.Ганичев, В.Крупин, Ст. Куняев, Ю.Лошци, Л.Котюков; лауреат Президентской литературной премии В.Распутин

ЕСЕНИН И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ

Под таким названием 25-27 сентября прошла Международная научная конференция, посвященная 119-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина. Ежегодные научные Есенинские конференции, проводимые Институтом мировой литературы им. А.М. Горького, Рязанским государственным университетом имени С.А. Есенина, Государственным музеем-заповедником С.А. Есенина и Международным есенинским обществом "Радуница", стали уже традиционными.

С приветственными словами выступил директор Государственного музея-заповедника Б.И. Иогансон, поэт В.В. Сорокин и В.Ю. Прокушев, хранитель архива Ю.Л. Прокушева. Министр культуры Рязанской области В.Ю. Попов рассказал о борьбе с несанкционированной застройкой Константинова и о перспективах создания достопримечательного места "Есенинская Русь", которое станет уникальным пространством, сохраняющим природные ландшафты родины Есенина.

На первый взгляд кажется, что тема, вынесенная в заглавие конференции, хорошо исследована. Творческие связи Есенина с современниками — поэтами, художниками, философами, композиторами — не раз становились предметом внимания критиков и учёных. Однако только на прошедшей конференции эта тема впервые обсуждалась как масштабная научная проблема.

Изучение творчества Сергея Есенина в контексте его взаимоотношений с современниками особенно актуально в период завершения работы над Летописью жизни и творчества Есенина, которая должна стать документальной базой для нового академического проекта — Есенинской энциклопедии. Руководитель Есенинской группы, Н.И. Шубникова-Гусева, обозначила итоги и перспективы изучения этой темы.

В первый московский день в докладах известных ученых рядом с именем Есенина звучали имена В.Брюсова и Б.Пастернака (Т.К. Савченко), А.Ганина (Н.М. Солнцева), С.Буданцева (Н.М. Мальгина). Проблемы поэтики, "творческого диалога", вопросы влияния Есенина на поэтов-современников, особенности структуры биографических статей в Есенинской энциклопедии, — всё это стало предметом пристального внимания в докладах О.Е. Воронов, М.В. Скородохова, М.А. Степановой, Е.В. Алтабаевой.

После пленарного заседания работа конференции шла по трём секциям. На первой секции, "С.А. Есенин и его современники: личные и творческие связи", участники говорили об истории отношений Есенина и М.Пришвина, Б.Пастернака, Ю.Балтрушайтиса, А.Мариненко, В.Казина, поэтов "скифского" круга и новокрестьянских поэтов.

На второй секции, "Художественный мир и язык С.А. Есенина. Традиции С.А. Есенина в литературе XX века", в центре внимания участников были вопросы языка, поэтики, синтаксиса произведений С.А. Есенина, их литературный, мифологический и исторический контекст. На третьей секции "Сергей Есенин в восприятии современников и потомков", доклады были посвящены влиянию Есенина на писателей-эмигрантов, Г.Шмерльсона, Д.Кедрина, Е.Евтушенко, А.Солженицына и современных рязанских поэтов.

На есенинских конференциях всегда насыщенная культурная программа, и эта не была исключением: после напряжённой интеллектуальной работы участники смогли насладиться сокровищами Рязанского областного музея им. И.П. Пожалостина.

На третий день, 27 сентября, работа конференции шла на родине Есенина, в Константиново. Пленарное заседание в Государственном музее-заповеднике С.А. Есенина открыл с приветственными словами директор музея Б.И. Иогансон. Тематика докладов была необыкновенно широкой: от творческих связей и влияния (здесь звучали имена А.Вертинского, И.Белюсова, С.Клычкова, Н.Клюева и др.) до вопросов биографии Л.Кашини и А.Миклашевской.

С. СЕРГИНА

ПОЛЕМИКА

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: http://zavtra.ru/

Я давно уже привык к полемике, даже ожесточённой, и когда читаю выпады в свой адрес, отбеляю статьи, стремящиеся к объективности, указывающие на конкретные спорные моменты или же неточности, от злобных, передёргивающих, а то и просто переиhrывающих, материалы, цель которых единственная — унижить, оскорбить идеологию противника.

Владимир БОНДАРЕНКО

Вот и о моей книге о нашем русском гении Михаиле Лермонтове вышли уже десятки рецензий, и восторженных, и скептических, и уточняющих, и оспаривающих концепции, изложенные в ней. Но то, что вышло как раз на лермонтовский юбилей, к 200-летию великого поэта, в либеральном журнале "Знамя" меня откровенно поркоробило.

Ругань в свой адрес от радикальных либералов я уж как-нибудь переиhrю, но зачем Сергею Чупринину отмечать в своём журнале 200-летие национального гения русского разностной критикой в адрес двух книг в ЖЗЛ о великом поэте? Моей и Валерия Михайлова. Разве не нашлось других материалов? Даже если бы это и на самом деле были две самых плохих книги, надо ли в общенациональный юбилей вселюдно кукарекать? Это же получается критика не столько в адрес Бондаренко или Михайлова, сколько в адрес Михаила Лермонтова и его юбилея. Получается, что журнал "Знамя" свёл лермонтовский юбилей на уровень книги критика Бондаренко, каковая бы она ни была.

Сергей Кормилов, давний литературный начётчик, не хуже Ерименовых и Киришиных, книги читает, высунув язык, дабы шершавым языком отметить подробности, в которых автор мог и на самом деле что-то и перепутать. Ему нет дела до целостной концепции, до сюжета книги, до значимых проблем, выделенных автором, до тех или иных идей, там спорить труднее, там требуется понимание. Но и в своём начётничестве этот неорпапцев откровенно халтурит и передёргивает.

Главная цель — внушить читателю мысль о плохом качестве книги. Мол, авторы ничего не знают, о Лермонтове только что слышали. Да и вообще его не читали, пишут по слухам. Вот, к примеру, Кормилов пишет, мол, по версии Бондаренко: "Лермонтов перед гибелью задумывал издавать журнал якобы в противовес некоему журналу Жуковского (в природе не существовавшему), поскольку этот поэт пробавлялся переводами...". Но в своей книге ни о каком журнале Жуковского я не пишу, а лишь цитирую самого Лермонтова. Вот текст из книги: "Он спорил и с самим Жуковским, покровительствовавшим поэту: "Мы в своём журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а своё собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное. Не так, как Жуковский, который кормит всё переводами. Да ещё не говорит, откуда берёт их...". Откуда же Кормилов напридумывал: "якобы в противовес некоему журналу Жуковского..."? Из своей начётнической голловы. Да и о русскости и опоре на отечественные произведения пишет сам Лермонтов, которого уже Кормилов сравнивает с Викуловым и Куняевым, возглавлявшим и возглавляющим журнал "Наш современник". По Кормилову — это "реинкарнация Лермонтова". Лихо. Больше похвалы Станиславу Куняеву не придумаете. Ко-

да я ему зачитал цитату из статьи Кормилова, он был очень доволен своей "реинкарнацией Лермонтова".

Далее уже сам Валерий Михайлов становится по Кормилову: "Тут значит, В.Михайлов — реинкарнация Лермонтова...".

Браво, поздравляю Валерия. Впрочем, у Кормилова Лермонтов становится

ти, считая версию Кормилова о том, что её написал брат Пушкина Лев, более чем сомнительна и бездоказательна. Но он имеет право так предположить, а вот я вроде бы никаких прав не имею.

Не думаю, что Сергей Кормилов столь небрежно читал книгу, всё-таки, доктор наук, профессор МГУ, но читал он её лукаво, с определённым замыслом, подбирая и домислявая различные неточности.

Вот ещё один наглядный пример явного передёргивания. Кормилов разоблачает меня: "Бондаренко пишет:

Либеральный бред Кормилова

"похожим" и на меня в моей книге. По фантастической версии Кормилова главной целью моей книги о русском гении было желание сравнить Куняева с Лермонтовым. Он так и пишет: "главная его идея выражена на одной, даже в одной фразе": это сближить план Лермонтова об издании журнала, где нет "ничего переводного, а своё собственное...", то есть исключительно одна русская национальная литература, и программу "Нашего современника", который сегодня и впрямь является, по мнению большинства писателей, чуть ли не единственным органом русской национальной литературы. Я и впрямь согласен с близостью журнальных программ Лермонтова и "Нашего современника" с точки зрения — "ничего переводного". Но писать ради этого книгу в шестьсот страниц вряд ли стал бы.

И такими передёргиваниями заполнена вся статья Кормилова, надеюсь, Валерий Михайлов отметит передёргивания в свой адрес сам, но я приведу ещё несколько примеров.

Вот начётчик пишет: "Разумеется, совсем неизвестно ему осталась фамилия, зашифрованная в экспромте "Русский немец белокурый"...". Почему же, если в книге и сам немец М.И. Цейдлер, есть и ссылка на его мемуары, где упоминается госпожа Софья Стааль фон Гольдштейн. Не надо додумывать за других, господин начётчик. И если я пишу, что "в годы до второй кавказской ссылки Михаил Лермонтов создал почти все известные значительные произведения", в том числе и пьесу "Маскарад", это не значит, что "Маскарад" был написан "о время между двумя ссылками", по ещё одному фантастическому варианту Кормилова. Это же самое с переиhrиванием авторства "Луки Мудищев". Как пишет Кормилов в свойственной ему манере передёргивания: "К числу эротических стихов Баркова он (Бондаренко, — В.Б.), по народной традиции, относит анонимную поэму с именем главного героя Лука...". Всякому, кто с ней знаком, по языку понятно, что она не может ... принадлежать И.С. Баркову...".

Во-первых, насчёт "всякого", до сих пор в солидных издательствах (к примеру, "Астрель", 2012 год) "Лука Мудищев" так и выходит с предположительным авторством Баркова. Во-вторых, хотел бы я знать, где в своей книге я называю автором этой поэмы И.С. Баркова? В суд мне это ли подавать за клевету? Я пишу: "В отличие от пушкинских или даже барковских эротических стихов (и далее через запятую, — В.Б.), в отличие от Луки Мудищева"... юнкерские поэмы Лермонтова...". Я не называю никого автором знаменитого "Луки", и, кста-

"Великий русский поэт оказался в компании вместе с Барухом Спинозой, Стефаном Цвейгом, Чарли Чаплином, Альбертом Эйнштейном и другими евреями". Компания не самая плохая, только не объединяемая ничем, даже национальностью. Живший в США англичанин Чаплин сыграл еврея-парикмахера, оказавшегося на месте диктатора, в комедии "Великий диктатор" — пародии на Гитлера. Разъярённый фюрер объявил его евреем и своим личным врагом... И многие, включая патриота Бондаренко, оказались в этом вопросе солидарны с Гитлером...". Во-первых, в чём солидарны с Гитлером? В том, что Чаплин мог быть евреем? А неужели это было бы так плохо. Неужели Сергей Кормилов страдает антисемитизмом, и причисление того или иного человека к евреям для него равно унижению человека? И он в таком случае, подобно Гитлеру, зачислит бы Чарли Чаплина в свои враги? Впрочем, Кормилов и в других своих клеветонах относится отрицательно к разным Концевичам, презрительно пишет: "Куда же смотрела А.Ф. Троицкая?..", и так далее. Но ещё об одной начётнической статье добавим позже. А сейчас главное. Я лично в своей книге нигде не сравнивал Лермонтова со Спинозой и Чаплином. Опять начётчик нагло передёрнул. Я пишу: "Израильский историк Савелий Дудаков в одной нацистской наукообразной книге обнаружил портрет Лермонтова, размещённый со многими другими для характеристики еврейского типа внешности. Великий русский поэт оказался здесь в компании вместе с Барухом Спинозой, Стефаном Цвейгом, Чарли Чаплином, Альбертом Эйнштейном и другими евреями. Казалось бы, возьми и опровергни эту глупость...". Увы, не опроверг ни израильский историк Савелий Дудаков, подыскав Лермонтову другого, более достойного отца, вместо Юрия Петровича Лермонтова, — французского еврея Ансельма Леви, личного врача бабушки Лермонтова в Тарханах, ни Сергей Кормилов, публикующий сведения из нацистской наукообразной книги, приписывая эти сведения мне. Теперь уже я опровергаю его, улы, не глупость, а подлость.

Упрекает Кормилов меня даже в том, что опровергнуть ничего не стоит, но заказ есть заказ. Пишет: "Кстати, не раз автор говорит, что в Гродненском полку Лермонтов служил в самом Новгороде, а не в нескольких десятках верст от него, совсем в глухомани. Уж этот-то мелоч". Обращимся за этой мелочью к книге, и находим: "Высочайшим приказом от 11 октября 1837 года Михаил Лермонтов был переведён из места своей первой

ссылки на Кавказ в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, стоявший под Новгородом... Полк в то время дислоцировался в 145 верстах от столицы империи в местечке Селищи в знаменитых селищинских казармах...". Что ещё надо для опровержения клеветы? Или он и впрямь не читал книгу, или врёт откровенно и нагло. Заодно уж не ему меня учить, где находится Петрозаводск и где Новгород, если я всю жизнь вырос на русском Севере, и от Петрозаводска до Новгорода разве что пешком не ходил. Но, "мечталось мне", а вдруг бы

взялся громить ещё и книгу Валерия Михайлова, и на таком же мелком, передёргивающем уровне? "Парящий в эмпиреях", "антинаушный", одни пустые слова, без доказательств. Его-то за что? Неужели, за компанию? Мол, не водись с Бондаренкой... Но вроде бы сам Кормилов многим обязан именно Михайлову, как же можно так мелко "благодарить"?

Тут уж поговорим и о нравственном облике начётчика Сергея Кормилова. Он ведь не первый раз выполняет такие топорные заказы. Вот совсем недавно обрушился на антологию ко-

и иных. Вот и пригласил нас начётчик, верный раппец. С любой книжкой какой-нибудь мусор соберёт. Здесь другая любопытная картинка вырисовывается.

Эту разгромную статью об антологии корейской поэзии Сергей Кормилов опубликовал совсем недавно в восьмом номере русскоязычного казахстанского журнала "Простор", главным редактором которого является... всё тот же Валерий Михайлов, доблестно разгромленный Кормиловым уже в десятом номере журнала "Знамя" за всё тот же 2014 год. Значит, разгромная статья о наших книгах о Лермонтове уже готовилась, когда её автор продавал свою статью о корейской поэзии всё тому же Валерию Михайлову. Может быть, опубликовавшись в "Знамени", теперь по такой же привычке Сергей Кормилов устроит, к примеру, в газете "Завтра" разгром Сергея Чупринина? Пусть не всё, я приму. Я, если уж пишу резкие статьи о Наталье Ивановой, никогда бы не стал одновременно ей предлагать свои другие статьи. Даже в старые советские времена, когда между журналистами не было таких идеальных противоречий. Нетактично, невежливо. Да и зачем?

Даже в понятии литературной игры это не входит. Валерию Михайлову будет хороший урок на будущее. Не надо печатать начётнические статьи. Был бы разбор по делу, а то всё на уровне слухов, кто кого в давние советские времена переводил. И почему та или иная книга в том или другом городе вышла? Околотипературные сплетни. Ему заказали казахстанские востоковеды, вот и получил. А то, что его самого могут также заказать, не подумал.

Сергей Кормилов возмущён моим "нелепым исходным тезисом: будто бы именно Лермонтов негоден в нынешней России власть имущим...". Слово Пушкина или Толстого... лучше знают". В-первых, и на самом деле, Пушкина и Толстого и у нас, и за границы лучше знают. Во-вторых, пусть он и ответит, почему именно станцию метро "Лермонтовская" переименовали в годы перестройки, а не "Пушкинскую", или ещё какую? Даже царёвскую — "Войковскую" оставили. Впрочем, он и к самому Михаилу Лермонтову относится с неким снисхождением. Согласно нынешней моде, отмечает как положительное, что "в отличие от Бондаренко В.Михайлов не боится иногда предьявлять к Лермонтову... эстетические претензии...". И на самом деле, и книжки о нём плохие, да и сам поэт не совершенен.

Интересно, и чего же он преподает студентам, какую русскую литературу? Или корейскую? Или он их уже путает?

Мне кажется, либералы дико обобзлились, что празднование юбилея великого русского поэта прошло под русским знаменем. Тут и книги Бондаренко и Михайлова, тут и "Золотой Витязь" Николая Бурляева, великолепная речь о Лермонтове Александра Проханова, превосходное празднование в Пятигорске и на Тарханах, отмеченное и приездом президента Владимира Путина, и всё под тем же русским знаменем. Тут и фильмы, и телепередачи в дни юбилея, отнюдь не показывающие нам диссидента с Болотной, либеральствующего поэта, а демонстрирующие великого национального гения. Вот за этот Русский юбилей Русского гения нам и достаётся от либералов.

Текстов, подобных тому, что опубликован в октябрьском номере "Дня литературы", Захар Прилепин в последнее время пишет по нескольку в неделю. Отозваться на это публицистическое произведение меня побудило во что.

Во-первых, по-моему, нужно прояснить ситуацию с "товарищем" Прилепиным, которого, "известного и невероятно талантливого музыканта — русского, взрослого и разумного", автор статьи из-за признания того в депрессии, а в основном за строчки из песни, относит к другой, не своей, расе. Противоположной, враждебной.

"Что им хорошо — нам смерть. Что нам радость — им депрессия...". Быть может, мы жили в одном прошлом, которое видели по-разному, но будущее точно рискует кого-то из нас переехать катком. То, что придёт ещё позже, быть может, примирят нас — но это уже не будет иметь не малейшего значения... Эти две расы — иной крови. Разного состава. Когда мы выпьемся — они тонут. Когда они кричат о помощи — мы не можем их спасти: нам кажется, что мы тащим их на поверхность, а они уверены, что топим. И наоборот: пока они нас спасали — мы едва не задохнулись. Нам больше нечего обсуждать". И ещё много сильных, рубящих фраз. Поводом для этой рубки стали, повторы, жалобы на депрессию именно того прилепинского "товарища" музыканта (стоит ли называть после этого его товарищем?) — ведь даже расы оказались разными. Депрессия вызвана следующим: у музыканта "исчезла вера в то, что страна моя будет жить по-человечески". Пишет, что в 90-е у него была огромная надежда, и эта надежда не погибала все "нулевые".

У Захара Прилепина же настроение полярно иное: "Совсем недавно у нас появились смутные надежды, что всё произошедшее за четверть века было не напрасно. Тысячи слов, которые мы прокричали на митингах, наше, против большинства и вопреки всему, юное брожение в 91-м и в 93-м, наши товарищи, убитые в Приднестровье и в Чечне, наши соратники, сидевшие во всех тюрьмах обновлённой России, наша площадь Революции, наша страсть к прошлому удивительной нашей Родины.

У нас появилась надежда. А у них пропала". И Захар Прилепин яростно ставит тем, у кого пропала надежда, клеймо представителя иной расы. Аргументом становятся в слова песни антигера "Двух рас": "Я выйду в городе солнца. Мне ноги лизнет волна. А ты возвращайся в свой Углич И живи одна".

Прилепин благородно не называет имени этого музыканта, видимо, для того, чтобы музыканта не разорвали представители его, Прилепина, расы как врага. И, кажется, правильно делает: десяти минут просмотра комментариев в разных блогах мне хватило, чтобы увидеть: музыкант стал для многих врагом. Правда, никто из этих многих не

процитировал Прилепина. Но поддерживает: "враг", "пятая колонна", "руссофоб", "уматывай".

Я послушал песню. Коротко расскажу, о чём она: так называемый лирический герой вальняющим голосом предлагает девушке садиться в самолёт и лететь с ним. Девушка, по всей видимости, отказывается, о чём мы догадываемся из приведенной цитаты (это припев). Девушка остаётся на родине, а так называемый лирический герой улетает в город солнца или куда там ещё. А может, не улетает, а идёт домой вздыхать, что тёлочка не повелась. Песня явно сатирическая, и удивительно, что Захар Прилепин, не раз демонстрировавший в своих литературно-критических зарисовках тонкий вкус и слух, здесь остался глух к нюансам, интонациям. Одна фраза из песни: "Пока пилот допивает свой ром" — чего стоит... "Углич — наш дом, — рубит Прилепин дальше, — мы к нему привыкли. Уж не знаем, где ваш город солнца и кто вас там лизнет".

Если уж на то пошло, Захар Прилепин, судя по его отчётам на собственном сайте, бывает в различных городах (может, и город солнца среди них) куда-куда чаще, чем на самом-то деле не такой уж известный и благоденствующий музыкант. Живёт этот музыкант в одном из городов на берегу Волги, выше по течению — Углич, где, несмотря на соблазнения, осталась героиня одной из его песен...

Во-вторых, хочется всё же понять, что так раздражает Прилепина в тех, у кого нынче депрессия. И что вселяет такую бодрость в ту расу, к которой причисляет себя автор "Двух рас". "У нас появились смутные надежды...", "Я и подобные мне — все мы жили 90-е и "нулевые" в ощущении распада почвы, в непрестанной тошноте". Тошнота, правда, не мешала Захару

многократно признаваться в "нулевые", что он пребывает в состоянии счастья. "Я, как человек, постоянно пребывающий в состоянии счастья, счастливыми музыке не люблю". Это из рецензии на один из альбомов музыканта, который в 2007 году вызывал у Прилепина восхищение, а теперь вот депрессией отсыян в иную расу.

Теперь восхищение у Захара вызывает другой "взрослый" музыкант, кото-

К расовой теории Захара Прилепина

ро после десятилетий исполнения режиссёрских постановок в Новосибирске и сочинил песню со словами:

Когда война на пороге, Не важно, воин, рабочий, поэт, У всех своё место в Истории, И лишь предателям места там нет.

Когда война на пороге, Нам слышен голос заветных времён, Русские своих не бросают — это закон.

Да, время гимнов. Нюансам и полутонанам места нет. Рубить, а не ощущать себя счастливым вопреки всему, как было в 90-е и нулевые... Ну да, я понимаю, что счастье было противостоим отчаянию, а теперь "смутные надежды" порождают желание делить русских на некие расы, обзывать в блогах, клеймить тех, у кого другое мнение.

Но что же стало причиной появления "смутных надежд"? Реальное возрождение России? Смена социального строя? Экономический взлёт? Духовный ренессанс? Да нет... Уже давно, по крайней мере, с год, Захар Прилепин пристально смотрит на запад. На Крым, Юго-Восток. Происходящее здесь, в России, почти не отражается в его публицистике... По-моему, Прилепин образца 2014 года — ярчайший пример того, как российский власть переключила внимание с внутренних проблем на внешние.

Нет, он иногда ещё замечает наших, российских, "делая" и долларовых миллионеров", ругает их, но лишь потому, что они не хотят давать денег на гуманитарную помощь Новороссии. "Хотелось бы желать им зла, — пишет Прилепин в своем "ЖОЖ". — Но ведь есть и те, которые помогают. Искупают ли они последовательное скотство остальных?".

было при смене социального строя отдавать...

В России сохранились те институты и тот строй, которые создали Чубайс с Гайдаром. Причём, институты эти усложняются, строй твердеет. Государство это не укрепляет, жизнь людей не улучшает. Если у руководства страны возникают идеи создать нечто новое, большое, то дело движется тяжело, со скрипом, сопровождается массой скан-

далов, уголовных дел, отставок. Не думаю, что у нас так много вороватых людей — по-моему, сама система устроена так, что невозможно что-нибудь не нарушить, не попасть на крючок. И при желании любого можно привлечь к чему-нибудь.

Что нынешняя, такая вот, Россия принесёт в Крым? Игорную зону?.. Привлечёт туда инвесторов, но за счёт кого? За счёт разрушающихся райцентров глубинной России? Инвестор для санатория в Евпатории наверняка найдётся, а для больницы где-нибудь в Коврове?..

Говорят, что на Юго-Востоке защищают русский мир. Может быть. Но разве внутри России он не гибнет, не нуждается в защите?.. Не буду разглашать о культуре и тому подобном. Достаточно того, что русский язык знает всё меньше детей в национальных республиках, русскоязычные (извините за это слово) население этих республик уменьшается и уменьшается. Да и не только их — очень тревожные процессы происходят, например, в Ставропольском крае... А сколько обезлюдело за последние годы сотен квадратных километров в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Рязанской области, в Костромской..."

В Луганске и окрестностях нет газа. В России в тысячах сёл, посёлков, городков газа и не было. Несколько раз видела такую картину: метрах в ста от посёлка проходит газопровод, а сам посёлок топится дрянным углём; снег чёрный. Ничего, дескать, жили и ещё проживут.

Недавно увидел рейтинг самых грязных городов России. Мой родной Кызыл один из лидеров. Почему? ТЭЦ и сотни избушек жгут дорозушки вообще-то (ради него которое десятилетие туда планируют проложить железную дорогу) консуляющие уголь. Газ в стотысячный Кызыл никогда не проведут — сложно, долго, затратно...

Юго-Восток бомбят. А многие города России без бомбёжек лежат в руинах. Жители гибнут не от снарядов, а от кляпья, рухнувшей остановки, развалившегося дома, проваливаются в ямы на тротуаре, и их уносят канализационные потоки... Десятки тысяч первоуродков на Севере и их потомков обитают в бочках, вагончиках, тухлых деревьях, в некоторых населённых (пока ещё) пунктах такое ощущение, что не верится, что мы запускаем ракеты в ко-

Жители гибнут не от снарядов, а от кляпья, рухнувшей остановки, развалившегося дома, проваливаются в ямы на тротуаре, и их уносят канализационные потоки... Десятки тысяч первоуродков на Севере и их потомков обитают в бочках, вагончиках, тухлых деревьях, в некоторых населённых (пока ещё) пунктах такое ощущение, что не верится, что мы запускаем ракеты в ко-

смос, строим трассы Формулы-1, проводим Олимпиады, расставляем на тротуарах деревья в гранитных горшках... Но если начать собирать гуманитарную помощь для жителей Боготоло или трущоб Саратова, для сапожковцев или угличан, которых становится в год меньше на пятьсот-семьсот человек, скажут: "Охренели!" — а для Новороссии собираются конвой за конвоем. В том числе шлют деньги простые россияне. Что же, это в нашем характере: пройдем мимо лежащего зимой на тротуаре, зато отдадим последнюю рубашку пострадавшему от землетрясения где-нибудь на Гаити..."

Честно говоря, я изумлён прилепинским разделением на расы, но, кажется, понимаю пафос его статьи, да и вообще его деятельность последнего года. Действительно, после четверти века томления и почти бесплодной борьбы, чувства униженности и тошноты наконец появилось настоящее дело. И одни отправились сражаться, как Григорий Тишин, другие, как Захар Прилепин, стали жечь лаголом и собирать гуманитарную помощь... Все бы правильно, но действуют они не в России, гибнут не за Россию и, по существу, не на благо России.

Можно уповать на то, что там, на Юго-Востоке, куётся та сила, что смеет в России нынешний антинародный строй. Но это, на мой взгляд, обманка. Вынут их из Юго-Востока, когда не станут нужны, дискредитируют и распялят. А упорствующих нейтрализуют. Это режим умеет делать здорово... "Вернуться бы в Углич — он и есть город солнца". Такими словами заканчивает статью "Две расы" Захар Прилепин. Да, вернуться бы в Углич, в Чухлому, в Сапожок, в Тобольск, в Минусинск... Но, боюсь, когда мы переведём взгляд с западного направления обратно на Россию, от этих городов останутся заросшие травкой холмики. Как на месте Старой Рязани.

Но две "расы" есть... Пусть не "расы", пусть две правды — они есть и это объективно, куда не смотри — на Западе или Востоке. У нас, в России! Этот факт, о котором написал Захар Прилепин, как раз и показывает, что страна стоит на пороге чего-то неведомого.

Да, смодетря на Украину — их жаль, как своих родных.

Да, когда они плюют в нас, всё равно их жаль.

Да, мы четверть века бредём во лжи и измене... уж дольше.

Но!!! Крым, как источник могучего поля структурировал Нас.

Мы уже не болото — две "расы"!

Мы не слепые и сердце болит за стариков, умирающих в домах престарелых, за пациентов, гниющих от венозных язв, за мат и блевотину на наших улицах.

Мы всё видим и всё понимаем. Но — даже стадо пасущихся чиновников как-то по-иному стали завязывать георгиевские ленточки...

У земных кукловодов всё схвачено. Они думали — мы от обещания. Они думали — нами можем управлять как биологической игрушкой.

Нет! Мы люди независимо от "рас".

Только чтобы стать Человеком — необходимо усилие. Неведомое впереди.

P.S. "...Расовая теория" — душок у этого названия не тот. Суть-то начатой Прилепинским полемике — другая. Надеюсь, что сам Прилепин ответит Сенчину достойно.

Полемические заметки

Подобно настоящей литературе, настоящая критика есть подлинное искусство. К сожалению, в современном литературном процессе критика, чаще всего, выполняет роль рекламно-развлекательного чтива, целью которого является привлечь внимание аудитории к тому или иному произведению (ярким примером является известный блог Л.Данилкина). Но даже если такая критика старается быть объективной, то всё равно по большому счёту сводится лишь к вкусовым оценкам. В самом лучшем случае современная критика становится критикой идейной, т.е. наблюдающей за литературным процессом сквозь призму достаточной жёсткой идеологии и чётко разделяющей авторов на “наших” и “ненаших”.

Таким образом, проблемы современной критики ясны. Во-первых, это отсутствие преемственности. Нынешние критики ссылаются обычно только на своих современников, чаще всего, товарищей по журналу или литературному направлению. С некоторым трудом ещё можно указать, кто ближе такому критику — Владимир Бондаренко или Наталья Иванова, но понять, сторонник он критики исторической или эстетической, от кого ведёт свою традицию — от Белинского, Чернышевского или Григорьева — догадаться совершенно невозможно.

Из отсутствия преемственности следует отсутствие внятных художественных ориентиров. В лучшем случае в современной критике царит почитательное отношение к классической литературе прошлых веков без ощущения какой бы то ни было связи с ней (так почитательно взирают на старые иконы в дорогих рамках, даже не допуская мысли помолиться перед ними).

Вторая проблема — это отсутствие Идеала. Читая современную критику почти невозможно понять, в каких идеальных категориях тот или иной автор оценивает мир и литературу, т.е. во что верит данный критик. И потому лишённая внутреннего ощущения Идеала современная критика так и остаётся набором разрозненных эстети-

ческих замечаний.

В связи с этим особенное значение приобретает личность критика. Настоящий критик должен обладать собственным независимым мировоззрением. В этом мировоззрении, в глубине собственного логико-волевого взгляда на мир, он находит те

Андрей ТИМОФЕЕВ

точки опоры, на которых строится его критическое творчество. И речь идёт вовсе не о грубой тенденциозности (том самом разделении на “наших” и “ненаших”), а об органической мировоззренческой установке. Взгляды такого критика не сформулированы рассудочно, но пережиты. Не существует мёртвых схем, под которые он подгоняет результаты своих исследований, а есть внутренняя правота, которой он служит. И потому настоящий критик всегда говорит не столько о своих субъективных предпочтениях, сколько о том, как он понимает объективность. Пусть это исключительно его (субъективный, в достаточной мере) взгляд, но критик верит в то, что в меру его понимания (т.е. в некотором приближении) объективность именно такова.

Надо сказать, что в современном критическом процессе уже появляются авторы, готовые взять на себя ответственность говорить от лица объективности, или хотя бы признающие необходимость этого. Так, например, Валерия Пустова в своей статье “Китеж непотопляемый” настаивает на том, что высшим выражением критики является отнюдь не “умение трактовать и препарировать, разлазая уже и так не первой свежести явления текста на ещё более мёртвые элементы идей и приёмов”, а “построение собственного мира идей, основанного не на образности, а на вере”. А Андрей Рудалёв в статье “В поисках нового позитива” даже предпринимает

небезуспешную попытку построение такого мира, провозглашая “инстинкт веры” главным свойством талантливого писателя.

Но мало сформулировать эстетически-мировоззренческую позицию и даже очертить контуры своего “мира идей” — необходимо наполнить его собственным самым художественным содержанием. Таким образом, мы переходим к третьей проблеме современной критики: отсутствию ясных критериев художественности. В современном литературном процессе непонятным образом сосуществуют и мёртвая сконструированность Дмитрия Быкова, не имеющая никакого отношения ни к реальности, ни к Правде жизни; и серая беззастыжливость Романа Сенчина, переходящая местами в открывшую графоманию; и талантливое творчество Захара Прилепина, кажется, ещё не до конца отдающего себе отчёт, что же у него хорошо, а что плохо; и блестящая проза Алексея Иванова, будто пришедшая из прошлых веков, где гиганты-классики писали свои грандиозные произведения, — всё это варится в одном котле, и никто не может или не хочет выстроить хоть сколько-нибудь адекватную художественную иерархию этих текстов.

А между тем настоящий критик должен отличать настоящую литературу от подделки. Ни всякая книга, даже разошедшаяся большими тиражами, даже получившая известные премии, является феноменом литературы. Мы слишком много говорим о том, чего просто нет, анализируем, объясняем, ищем скрытые смыслы, тогда как разбираемый текст может быть обычной графоманией, т.е. вообще не существовать в пространстве художественной литературы.

Утрачивая художественные и мировоззренческие ориентиры, мы постепенно утрачиваем и принципы критического осмысления литературы. Поэтому нашей задачей будет если не восстановить эти принципы, то хотя

бы попытаться предложить собственный вариант. И в первую очередь, на наш взгляд, необходимо ответить на два фундаментальных вопроса. Во-первых, на вопрос о соотношении эстетической красоты и реальной жизни в художественном произведении; во-вторых, на вопрос о том, что же есть самое важное в литературе и чем измерить художественную ценность конкретного произведения. Без ясного внутреннего понимания ответов на эти вопросы не может работать

ни один настоящий критик, не может существовать ни одно адекватное критическое направление. Но говоря о подлинной литературе, мы должны отдавать себе отчёт, что перед нами — тайна, одно из самых сложных и загадочных явлений, данных нам Богом. И потому мы не будем посягать на построение законченной системы в области художественного творчества, а лишь на то, чтобы приоткрыть отдельные грани таинственного, прикоснуться к нему с осторожностью и благоговением.

В статье “Критический взгляд на основы, значение и приёмы искусства” Аполлон Григорьев замечает, что современная ему критика пошла целиком по пути первенства реальной жизни над эстетической красотой: “приняв жизнь как явление за норму искусства”, стала “видеть в искусстве рабское служение жизни”. “Величайшая вина этого направления против искусства заключается именно в той натуральности, которая рабски копирует явления действительности, не отличая являющийся случайностей от типичных, не озаряя их разумной и истинно любовной мыслью”, — замечает он в другой своей статье “Русская изящная литература в 1852 году”.

С тех времён прошло полтора столетия, в которых уместились и расцвет русской литературы второй половины XIX века, и возникновение модернизма, а затем и постмодерниз-

ма. И потому нам опять приходится возвращаться к вопросу о соотношении эстетической красоты и реальности в художественном произведении. И если А.Григорьев сетовал на то, что критика и литература в его время пошли по пути натурализма, то мы должны констатировать, что стали свидетелями противоположного заблуждения — а именно торжества мёртвой отвлечённой эстетики довольно низкого уровня, апофеозом которого стал постмодернизм. Жизненность и прав-

дивность отступили на второй план, уступив место рассудочности, литературной игре и вторичности. К счастью в 2000-ых годах постмодернизм практически сошёл с отечественной литературной сцены, и потому не станем посвящать много времени мимолётному заблуждению. Приведём лишь один пример, как даже небольшая деталь, связанная с реальностью, случайно попавшая в постмодернистский текст, бывает настолько значительнее его эстетической “красоты”, что полностью разрушает её. В качестве иллюстрации возьмём прозу А.Антонова, представляющую из себя характерный образец постмодернизма. Во-первых, эта проза отдалена от реальности, во-вторых, основана на литературной игре, в-третьих, целиком пропитана классикой, её героями, образами, переливающимися из одного произведения в другое, — всё это вполне мастерски по форме, но пусто по внутреннему содержанию (“Не вполне театральная повесть”, “Чёрная река”). Однако есть у А.Антонова одно произведение, на котором нам хотелось бы остановиться подробнее.

Рассказ “Потусторонний” написан в той же манере, что и остальные рассказы, и, наверно, так же воспринимался бы в рамках литературной игры, если бы не одна подробность. Рассказ начинается так: “Дочь умерла во вторник. Похороны пришли на пятницу, и пришлось отпроситься с работы. В четверг я одолжил у Сергеева чёрный костюм, а рубашка, то-

же чёрная, была на мне своя. Я стоял в головах мозоли, почти на краю, и смотрел, как комья падают на крышку гроба”. А дальше: “В субботу я купил четыре жёлтых цветка и отправился на кладбище. Так делают все”. Эта смерть дочери сразу задаёт тон всему повествованию, а холодность, с которой рассказчик её встречает, мгновенно открывает нам бездну бесчувствия в нём самом. Мы ожидаем проникновения в эту бездну, нам кажется, что сейчас внутренняя логика текста подчинится этому глубокому повреждению в человеке (как, например, в романе А.Каюмо “Посторонний”, к которому как раз и отсылает нас название рассказа). Но вместо этого А.Антонов принимает плести свои обычные кружева — появляются какающие женщины, следует любовное приключение с откровенными подробностями, наконец, герой совершает непонятное убийство и т.д. В общем, обычный набор постмодернистских атрибутов. Автор, кажется, даже не задумывается о том, что одно только касание серьёзной темы сразу же выбросило его рассказ в иную смысловую плоскость, придало тексту дополнительное измерение, которое, разумеется, не смогло наполниться содержанием, так как автор изначально был настроен на постмодернистскую игру. Он не чувствует границы, до которой игра оправдана, а за которой — просто невозможно не то чтобы по идейному, но даже по эстетическим соображениям.

Итак, далеко не всё в художественном произведении следует из его собственной отвлечённой эстетики, есть вещи, вытекающие из самой объективности устройства реальности, которые никак не хотят превращаться всего лишь в пазлы даже самой яркой эстетической картинкой. Условность литературы не бесконечна, эстетика не может совсем оторваться от реальной жизни. Возможно, это косвенное свидетельство разумности устройства мира, где всё взаимосвязано между собой и где из пренебрежения одним сразу же следует повреждение в другом.

(газетный вариант, полностью статья на нашем сайте denlit.ru)

Отталкиваясь от записи Толстого

“Нынче поутру около часа диктовал Тазе, хорошо, спокойно, без волнения, а без волнения наше писательское дело нейдёт”. Слова эти написаны 150 лет тому назад.

Все мы оцениваем ту или иную ситуацию через призму собственных представлений и опыта. примеряем себя на место другого. Вот и я попробую.

Я, как и Толстой, писатель, у меня тоже есть, пуская покороче, но борода, и живу я тоже в деревне, расползённой, правда, существенно ближе к Москве.

Жизнь писателя в деревне 150 лет назад и теперь имеет ряд сходств и различий. Есть поверхностные, а есть весьма фундаментальные. Например, утро. Когда живёшь в деревне, распорядок меняется, очень быстро входит в резонанс с природой и начинаешь просыпаться рано. Я пишу с утра на свежую голову, а не ночью с кофе и сигаретами. Далее, однако, между мной и Толстым начинаются различия. У меня тоже есть своя Тазя, но попробуй ей подиктовать. Лучше даже не пытаться. Вообще, меня окружают женщины, которым особо не подиктуешь. Может быть, дело во мне, а может, мир изменился и писатель сегодня является художником ещё более обособленным, чем раньше. Литература — творчество индивидуальное, наверное, потому она так и процветает в России. Командные виды искусства тре-

буют финансирования, слаженности, системы, а эти сферы у нас, хоть и с исключениями, но хромают, зато, когда отвечаешь сам за себя, то вполне можно решить весьма существенные художественные задачи.

Толстой много думал и писал о земле. Изве-

дуют писатель, не соглашусь, дело не в размере, а в принципе. А принцип прежний — совершенно не связанное с литературой занятие, нечто очень простое и естественное, не-

Александр СНЕГИРЁВ

Писатель в деревне 150 лет спустя

стна его неудача с разведением японских поросят, но доход ему обеспечивала земля, продукты земледелия и животноводства. Что я, как житель деревни, могу сказать о земле сегодня. Возможно, продовольственные санкции и подвинули ситуацию с нашим сельским хозяйством, но пока земля у нас служит для совершенно других целей — земля застраивается. Толстой писал, как земледелец девятнадцатого века, я пишу, как индивидуальный строитель века двадцать первого. Толстой писал широко, как устроено русское поле, я пишу компактно, как устроен современный загородный дом, рассчитанный на рациональное потребление электроэнергии, небольшие затраты на отопление и уборку.

Когда мне прислали письмо с приглашением участвовать в яснополянской чтении, я чинил канализацию. То есть самым натуральным образом промывал шланги и ставил хомуты. Толстой любил косить зерновые и тачать сапоги, я кошу газон и чищу канализацию. Вы скажете,

обходимо писателю, чтобы не превращаться в книжного червя, не терять контакт с биением жизни.

Известно, что Толстого волновал вопрос взаимоотношений с народом. Он не мог разбраться в своих чувствах к народу, любил народ и злился на него, но главное — он не отделил себя от народа. Тем не менее у Толстого часто встаёт вопрос разговора с народом. Как говорить с мужиком, о чём, приравливаясь ли к простой речи или нет, как себя вести, чтобы не выглядеть в глазах мужика глупо?

Начну с того, что мне за десять лет деревенской жизни простой русский мужик попался лишь один — наш сосед, хозяин громадного четырёхэтажного дома и магазина, все остальные तो угодно, только не русские. С моей внешностью я могу себе позволить набросать национальную картину моей деревни и не прослыть нацистом. Начнём с земледельцев — все работы на земле выполняют таджики или узбеки. Белорусы ставят срубы, украинцы

работают с кирпичной кладкой и бетоном, молдаване занимаются маляркой. Я опять скатился к стройке, но таковы реалии моей деревни. Так вот, все эти люди, хоть и не совсем русские мужики, но именно они составляют сегодняшний, известный мне, народ. Любопытно

заметьте, что территория оказывает на них влияние, например, соседский сторож-таджик поздравляет меня со всеми церковными праздниками. И вот с этими простыми нерусскими будущими русскими мужиками я каждый день разговариваю. Раньше говорил всем “вы”, потом понял — глупость. Первым стал тыкать таджикам, а потом всем остальным и дело пошло, меня стали понимать и перестали халтурить.

Общение с рабочими даёт интересный результат. Чтобы меня понимали, я вынужден делать собственную речь простой, логической и понятной. Говорить ясно, коротко и по делу. Общение с работягами — неплохая школа для писателя.

Сам по себе процесс стройки тоже помогает в литературе. Ведь, если сравнивать грубо, то замысел книги сродни проекту дома, сюжет и композиция — это фундамент и конструкция, а язык выполняет функции декора. Разумеется, как и в строительстве, так и в литературе, де-

кор часто решает конструктивные задачи, а опоры крыши вполне могут сойти за украшение, но всё-таки я именно так разбираю для себя структуру любого текста. Текст для меня, будь то рассказ или роман, — это дом и он должен быть пропорционален, логичен, полезен и красив.

Увлёкшись всеми этими размышлениями, я не сразу заметил смысл, с которым в толстовской фразе про утреннюю диктовку употреблено слово “волнение”. А когда заметил, то понял — во утро вдохновение Толстого оставило, но он продолжал работать. И я подумал, что волнение в писательском деле можно сравнить с тракторным мотором. Едешь на тракторе по бездорожью, и мотор-волнение тебя тащит. Колея, грязь, но волнение вытягивает, потому что вдохновение и страсть всегда тянут за собой, и хороший писатель только и делает, что слушается их и направляется за ними следом. Но бывает, что волнение-мотор глохнет и писательский трактор вьезет. Тогда надо вылезать, цеплять ледёчку к ближайшему дереву и вытягивать трактор силой воли и ума. Так и тащить свою машину из трясины до тех пор, пока мотор-волнение снова не заведётся, колёса не затрутятся и вот уже ты снова прёшь через бурелом, испытывая совершенное счастье.

Диалог

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Вчера я был в одном месте, и там один человек сказал одну вещь по поводу Дюши Макаревича. Он сказал: “Что снаружи, то и внутри”, — этот человек так высказался. Видишь ли, им не нравится лицо Андриуша.

РОЗЕНБЛЮМ: Им не нравится лицо не только Андриуша. Им также не нравятся лица Люси Улицкой, Вити Шендеровича, Бори Немцова, и Аллочки Латыниной, и Димы Зильбельтруда.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Да. И они говорят: что снаружи, то и внутри. А по-моему, так очень милые лица.

РОЗЕНБЛЮМ: Прекрасные лица! ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Даже — лицо Навального им не нравится. Хотя он только наполовину Навальный.

РОЗЕНБЛЮМ: Фашисты! ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Вы такой колочий, как ваша фамилия.

РОЗЕНБЛЮМ: А вы избыточно нежны. Видно, сообразно вашей фамилии.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Но, честно говоря, я не понимаю, зачем-таки Андриуша поперся на Украину, и не в наш Киев или Днепрпетровск, а в этот ужасный Донецк. И вот теперь послушай, что пишут: “Требуем не защищать Макаревича от справедливого гнева русского народа, а изгнать его из страны, лишив его российского гражданства. Пусть скачет на Крещатику с миллими его сердцу бандеровцами”.

РОЗЕНБЛЮМ: А в этой газете: “На деньги, вырванные с продажи гитары музыканта, были куплены каски и бронжилеты для украинских карателей”. Ну? Это умный человек? Это бизнесмен?

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Да-а... Война — это большое болото: легко влезть, но трудно выбраться. Поехал себя свои песни... Зачем? Ему что, мало было России?

РОЗЕНБЛЮМ: Он считает себя деловым человеком: хотел воспользоваться удобным случаем и поправить свой бизнес.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Ой-ей! Видимо, он заблудился: если ты заглядишься на чужую белую халу, то можешь потерять свой собственный кусок чёрного хлеба.

РОЗЕНБЛЮМ: Может, просто решил прогуляться.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Какой прогуляться! Знающие люди говорят: наилучшая прогулка — перед своим крыльцом. Конечно, если он опять хотел большой славы... так поехал бы петь в Германию.

РОЗЕНБЛЮМ: Я тебя умоляю! Кому он уже нужен в Германии?

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Там у нас большая диаспора.

РОЗЕНБЛЮМ: Ну и что? У него и в России один концерт за другим отменяют. Из-за того,

что никто билеты не покупает.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Но он уверяет, что это всё нарочно так сделано. Вот пишут: “Чередой последовали отмены концертов Макаревича в Кирове, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Самаре и других городах”.

РОЗЕНБЛЮМ: А вот: “В Баку отменён концерт Андрея Макаревича, намеченный на 31 октября во Дворце Гейдара Алиева”. Баку-то сколько лет под Америкой лежит. Там-то кто ему отменял? Ему уже сто лет. Уже пора бы

Виталий АМУТНЫХ

иметь мозги.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Не сто, а шестьдесят.

РОЗЕНБЛЮМ: Тоже хороший возраст. Уже можно научиться заранее думать о последствиях. И не ждать, когда... Вот слушай: “В четверг в московском Доме музыки была премьера проекта Андрея Макаревича “Идиш-джаз”. После четвертой песни в зале вдруг встали какие-то люди, которые с криками “Макаревич — предатель” принялись кидать яйца и разбрасывать листовки...”

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Да-да, здесь то же самое: “...разбрасывать листовки... Довольно быстро подоспела охрана, которая стала этих людей выводить, и вот в этот момент пошёл первый газ. Кто-то из этих людей пустил в ход баллончик”.

РОЗЕНБЛЮМ: Фашисты! Этого следовало ожидать.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Да, этого следовало ожидать.

РОЗЕНБЛЮМ: А если бы он подумал о том раньше, то и не пришлось бы писать письма президенту. “Всё, что нам рассказывают в СМИ про мою поездку, — бессовестное враньё. Господин президент, я настоятельно прошу вас прекратить этот шабаш, порочащий мой имя”.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Тут Андриуша, конечно, попал впросак. Ведь даже на все сто наш Йося, Йося Кобзон... Сейчас найду это место... Вот, послушай: “Ему осталось только выступить перед Коломойским и убеждать всех, что это он делает бескорыстно...” Коломойский, Бенья Коломойский, ты знаешь, — это им там, на Украине, из Лондона управляющего назначили. Бенья делает вид, что спорит с киевским кагалом, с Пашей Вальцманом... но мы-то знаем, как оно на самом деле.

РОЗЕНБЛЮМ: Бенья мне никогда не нравился...

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Что поделаешь! Какой кагал, такой и староста. Так вот... “Я хорошо помню, — это Йося Кобзон говорит, — я хорошо помню, как после Великой Отечественной мы прятались в Славянске — а он всего в нескольких километрах от Святогорска — от бандеровских банд. А теперь наш коллега едет на территорию, занятую их последователями...”. А дальше: “И говорить о том, что демократия позволяет каждому иметь своё мнение... Своё мнение — да, но демократия не позволяет

быть предателями своей страны”.

РОЗЕНБЛЮМ: Действительно, мозги у него с возрастом сильно пострадали.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: У нас всегда говорили: на чьей подводе едут, тот и всегда поют.

РОЗЕНБЛЮМ: Делал бы своё дело тихо, как это всегда делается. Нет, ему надо было выпендриться. Выпендрился. Так уже бы и успокоился, — нет, он ещё какую-то песню сочинил. И ты посмотри на одно это название! “Моя страна сошла с ума”. Зачем дразнить гу-

Что снаружи, то и внутри

сёй? И ты послушай эту поэзию! “И как тут быть, Если всё отныне вверх дном. Не надо нимбы и крылья растить, Надо просто не быть говном”.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Нас тут никто не слушает, и потому я могу честно сказать, что и раньше его, так сказать, стихотворчество было... мягко говоря... не очень.

РОЗЕНБЛЮМ: Какое там “не очень”? Скажем честно, вот то самое слово, которое он в своей последней песне...

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Инвектива... РОЗЕНБЛЮМ: Во-во. Стихи его — как та инвектива в его стихах. Короче — говно.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Нет, ну раньше...

РОЗЕНБЛЮМ: Да и раньше. А пенние? Это песня? Этот стон у нас песней зовётся. А музыка?

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Согласусь. Совершенно заурадная музыка, не представляющая интереса для человека с развитым музыкальным вкусом.

РОЗЕНБЛЮМ: Клезмерская музыка.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Пожалуй, клеэмерская. Хотя, например Фрэнк Лондон, Энтони Коулмен или Джон Зорн...

РОЗЕНБЛЮМ: Клеэмер Макаревич — не Джон Зорн. Но теперь раскрутить можно кого угодно. А раскручивали Дюшу с незапамятных советских времён. И как раскручивали! Выстроили ему, можно сказать, хрустальный дворец.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Да... Да... А как у нас говорят, кто живёт в хрустальном дворце, не должен бросаться камнями. И вот: “В столице России группа молодых людей захихнула в мусорный контейнер российского музыканта, певца, поэта, композитора, художника, продюсера, телеведущего, лидера и единственного бессменного участника рок-группы “Машина времени”, заслуженного артиста РСФСР, Народного артиста Российской Федерации Андрея Макаревича”.

РОЗЕНБЛЮМ: Фашисты! Но если то была группа меломанов, то их можно понять.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Вы думаете?

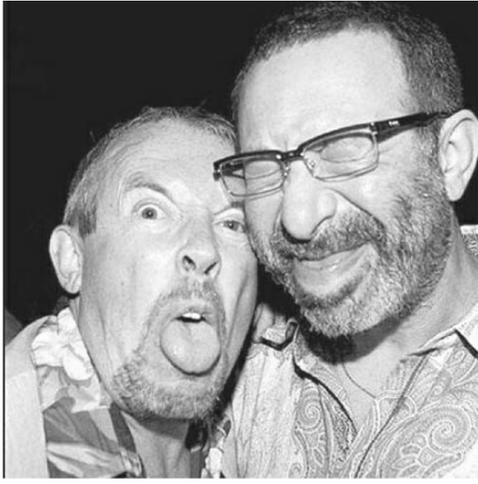
РОЗЕНБЛЮМ: Был ещё один такой коллектив, назывался “Биттлз”.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: О, “Биттлз”!

РОЗЕНБЛЮМ: Что — “о”? Музыкальное озонирование. Социальный эксперимент. Тависток привёз “Биттлз” в США только ради промывки мозгов тамошней молодёжи. Мозгов! Безмозглые, они думали, что у них там бунт против социальной системы. Я смеюсь! Много они изменили?

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Верно. Изменилось для них не многое.

РОЗЕНБЛЮМ: Слабуемые тинейджеры...

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Кстати, до “Биттлз” слова “тинейджер” в ходу не было.

РОЗЕНБЛЮМ: Эти самые тинейджеры, думаю, были бы, конечно, очень удивлены, если бы у них имелись мозги понять, что все их протесты, все их экзотичность, грязные джинсы и длинные немытые волосы, марихуана и лизергиновая кислота, даже их новый модабный жаргон — всё было старательно разработано пожелыми научными работниками. Работниками из мозговых центров Англии и Стэнфорда. Вот подрастающее поколение удивилось бы, если бы догадалось, что всякие крутые словечки — рок или кул, клевый, значит, — им придумали брехоты гипертоники-социологи... далеко не первой молодости. Тависток и его Стэнфордский Исследовательский Центр.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Конечно, тут без армии СМИ такую задачу нельзя было бы решить. И

Эд Салливан немало постарался.

РОЗЕНБЛЮМ: Кто бы заметил этих клоунов из Ливерпуля, эту их двенадцати-атомную систему музыки, если бы не социальная инженерия, не ажиотаж, который подняли... всякие... там... “Нью-Йорк Таймс”...

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Да, “Нью-Йорк Таймс”, “Уолл Стрит Джернал”, “Вашингтон Пост” — они делают новости, они могут заметить это, а то игнорировать. Они говорят: эти фильмы смотреть, эти музыкальные диски покупать, а те не покупать. И большинство поступит именно так. Это правда.

РОЗЕНБЛЮМ: Как ты сказал? Социальная инженерия?

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Так, социальная инженерия. Она и есть.

РОЗЕНБЛЮМ: К тому же мы живём в рыночном обществе.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Когда дурак выходит на рынок, радуются торговцы. А с помощью музыки можно бесструктурно и скрытно управлять людьми.

РОЗЕНБЛЮМ: Между прочим, в Израиль “Биттлз” так ни разу и не пустили. А ты помнишь причину? Генеральный директор министерства образования Израиля Яков Шнайдер и депутаты Кнессета были очень против.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Конечно, помню: низкий художественный уровень и разлагающее воздействие на сознание молодёжи.

РОЗЕНБЛЮМ: Кнессет знал, что делал.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Но, знаешь... Нас тут никто не слушает, и потому я могу честно сказать, когда мы берём всё в свои руки, когда создаём новую, так сказать, культуру, когда в этой культуре мы начинаем доминировать... Тут для нас самих возникают большие проблемы.

РОЗЕНБЛЮМ: Проблемы?

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Конечно. Тогда истрекает источник культурного творчества, из которого мы берём все ресурсы для своего творчества. Тогда в нём не остаётся места и для нас самих. Это печально. Но это правда.

РОЗЕНБЛЮМ: Просто мы превосходим их в культуре.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Это этноцентризм.

РОЗЕНБЛЮМ: Ну и что?

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: А то, что он может опять привести к катастрофе. И меня поддерживает мысль многих разумных людей.

РОЗЕНБЛЮМ: Это чья же мысль?

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Бенжамин Фрийдмана, Ноама Хомски, Альфреда Лилянтальта, Израиля Шаака... например.

Пауза.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: Ой, Андриуша-Андриуша!.. Разве он не знал, что из трёх пальцев больше одной фиги не получится? Смотрю, вот, я... смотрю в эту газету... Нет, конечно, наш клеэмер Макаревич никогда красавцем не был. Но он же шекель, чтобы всем нравиться.

РОЗЕНБЛЮМ: Не шекель.

ЛИЛИЕНФЕЛЬД: У нас тоже есть поговорка: горшок, с чем он варится — тем и пахнет. Но это же совсем другое дело!

РОЗЕНБЛЮМ: Совсем другое дело!

По Невскому бегит собака. За ней Буренин, тих и мил... Гороховой, смотри, однако, Чтоб он её не укусил! Д.МИНАЕВ

роениях? Почему в 99 процентов случаев даже самые последовательные борцы за русские идеалы предпочитают не выстраивать позитивную программу пути в будущее, а предпочитают тактическую возню на поле своих противников, по правилам своих противников?

Андрей КАНАВЩИКОВ

романе-завещании "Последняя ступень", многократно переизданном со времени первой публикации в 1995 году и ставшем с тех пор в определённых кругах настольной книгой, как обозначил сам Владимир Алексеевич, "исповедью вашего современника".

В романе очень честно и подробно описан процесс перерождения правого советского человека в монархиста, лениниста и коммуниста – в последовательного антикоммуниста, атеиста – в христианина. Ценность написанного Солоухиным в том, что он показывает буквально на пальцах физиологию своего духовного перерождения.

По словам писателя, свой роман-исповедь он задумал в 1973 году, когда в возрасте 49 лет перенёс операцию в онкологическом институте им. Герцена и когда жить ему предсказали не более 6 месяцев: "...тебе дан дополнительно срок, чтобы ты написал свою главную книгу. К 1976 году книга была готова". Что же касается времени зарождения идеи романа, то эту дату автор относит к началу шестидесяти годов, обозначая время термином "прозрение".

Сюжет написанного несложен. С успешным советским литератором рвётся познакомиться некий фотограф, человек с сомнительным связями и кругом общения. А затем, в процессе тщательной идеологической обработки, вместо советского литератора на свет появляется другой Солоухин, антикоммунист и антикоммунист с полностью перевёрнутой системой прежних ценностей.

Процесс этого перерождения описывается Владимиром Алексеевичем с поистине научной методичностью, не упуская и не забывая ничего. Вначале некий поэт в ЦДЛ заговаривает о фотографии Кирилле Александровиче Буренине: "С тобой очень хотел бы познакомиться Кирилл Буренин".

Солоухин знает эту фамилию автора "оригинальных, высокохудожественных, но будто бы очень спорных работ", но приглашение вполне предсказуемо пропускает мимо ушей. Однако, сети племени надёжны. Уже через неделю-другую в том же Думе литераторов, когда я сидел совсем в другой компании, молодой поэт подошёл ко мне сзади и задышал над ухом: – Кируша здесь. Может, подойдёшь к нам на пять минут, к нашему столу? – Казалось бы, интересующийся – походи. Но Буренин в лучших средневеково-окультистских традициях ждёт, чтобы Солоухин сам подошёл к нему. Так, например, считалось, что вампир, да и ряд другой нечисти, не могут сами подойти к человеку, призывая непременно его прийти или войти, сделать шаг, открыть дверь. На этой особенности взаимоотношений тёмных сил и человека построено немало жутковатых сцен у того же Брэма Стокера, автора образцового "Дракулы".

Знает или нет Солоухин по подобной манере знакомства упырей с Божьими созданиями неизвестно, но с русским, голубоглазым Бурениным "...светлый клетчатый, несколько бросающийся в глаза костюм, а вместо галстука – шарфик на французский манер" они встречаются именно так. С изрядной примесью булгаковского Воланда, в том числе.

Дословно: "Когда я пошел к ним и мы друг другу представились, он остановился на мне своей синей и пронзительный взгляд, словно затеял сеанс гипноза". Затем в пространство сбрасыва-

ется самая шикарная наживка, какая только может приманить писателя: "Единственный русский писатель. Лица, скажи!".

Синеглазая, темноволосая супруга Буренина – Елизавета Сергеевна, наносит контрольный выстрел: "Да, мы считаем, что это так. В то время, когда все пьют о газопроводчиках и комбайнерах, вы единственный поднимаете голос в защиту русских церквей, русской природы, старинных парков, вообще всего русского".

И вот уже растаявший от похвал Солоухин мысленно величает незнакомо ему Буренина просто "Кириллом"

Читая Солоухина

(словно с чёткой отсылкой к просветителю Кириллу, соратнику Мефодию). А означенный Кирилл в центре Москвы, в шестидесятые-то годы, этак сложкой но поясняет парашюму на крыльях похвал молодому автору:

– Мой министр пропаганды. Мой Геббельс. И правозащитный советский автор Солоухин с лёгкостью заглядывает и эту психологическую наживку. Ничуть не обижаясь на употребление столь одиозного даже для нынешнего плоралистского времени имени. Рассуждая: они меня хвалят, значит, они – хорошие люди.

Интересно, что герой рассказа Шкушина про колечатые валы, остающиеся примерно к тому же времени, в подобной ситуации готов был на драку. И всё только потому, что лысый его собеседник не верил в коммунизм. Солоухин же, член ВЛКСМ с 1939 года, член КПСС с 1952 года, член Союза советских писателей с 1954 года, член редакций "Литературной газеты", заместитель председателя Московской писательской организации, член Комитета по присуждению Ленинских премий" с покорностью кролика проглатывает ссылку на авторитет Геббельса.

Шутник Буренин явно знал, кого к себе звать. Эмоциональный, увлекающийся, явно очень талантливый, входящий в элиту молодой советской литературы, Солоухин банально клюнул на личные восторги и уже при первом же разговоре подвинул своё советское куда подальше. Геббельс? Ну, и ладно.

А Буренину попытка счастья более чем стоило. Помимо уже состоявшихся карьерно-творческих высот автор "Владимирских прозёлок" писатель Солоухин приглашался Симоновым в "Новый мир", ректором Литинститута приглашался на должность проректора по Высшим литературным курсам, в "ЛП" ему поручали писать переводы про встречи с Хрущёвым, а Всесоюзное радио брало у него интервью с Красной площади по случаю демонстрации трудящихся.

Словом, Солоухин находился на очевидном подъёме, в обиходе самых приближенных к идеологическим высотам. С одной стороны, откровенно талантливый, а с другой, – "неопытен и наивен". Невозможно без улыбки читать простодушную историю Владимира Алексеевича про то, хотя бы, как в разведальное всё того же ЦДЛ он взялся просить стихи у Яшина для "ЛП" в день выхода в той же "ЛП" разгромной статьи "Снимите чёрные очки", направленной против Яшина.

"Святая простота" говорили в средневековье, когда тихая старушка тащила к костру еретику вязанку хвороста, чтобы отступник сгорел вернее. В советском СССР термины были другими, но собеседник за словом в карман тоже не пошел:

– Как не стыдно? Это что, издевательство? Утром облить грязью, а в обед предлагать сотрудничество в той же газете. Это бесовство.

Впрочем, Солоухин, как видно, был далёк тогда от таких абстрактных материй типа "совести". Он обедал себе в буфете для членов редколлегии, получал продуктовые заказы ("большая картонная коробка, на которой сверху карандашом было написано моё имя"), выхлопотал "великолепную дачу", пользовался служебной машиной. Нет, терзания, конечно, некоторые присут-

ствовали, но весьма смутные, не слишком обременительные для души.

Зато в избытке значится жалости к себе любимому, вынужденному "отрабатывать корм" (так и говорит писатель, этаким животноводческим термином!), словно на той же встрече творческой интеллигентности с Хрущёвым душами писательскими торговали оптом и в розницу, расплесываясь кровью в ведомостях на получение "больших картонных коробок".

Солоухин даже в голову не приходит, что его репортаж со встречи с Хрущёвым – ценнейший документ времени, летопись времени, имеющая

громадное информационное значение. Можно как угодно относиться к любому руководителю страны, но он – руководитель страны и всё, что он скажет и сделает, – имеет значение. И, может быть, донести до своих читателей то, что видел сам и что читатель не увидит, – есть не только поглощение некоего "корма" и некая обязательная сделка с совестью?

Владимир Алексеевич так стыдится своих юношеских публикаций, что не только за него делается. Конечно, художественное качество написанного им не впечатляет. Тем более, если учесть, что весь тот восторженный бред он говорил в адрес Хрущёва, кровавого мясника украинских репрессий. Конечно, и журналистский элемент в его восторженных опусах не самого высокого пошиба.

Но публикация в газете содержала перечень фамилий присутствующих, слова ими сказанные, характерные эпизоды встречи, то есть в полной мере отвечала требованиям, предъявляемым к газетной публикации. Вот Ворошилов поёт с композитором Данкевичем, вот после полноты все садятся за стол под широким шатром, вот слово берёт Брежнев... Иначе говоря, "ЛП" добротой и в рамках своей журналистской задачи осветила прошедшую встречу руководства СССР со своим идеологическим обеспечением.

Называть всё это "отработкой корма" ("Встал на стезю верной службы – служи. Ключёшь с руки – отработывай корм"), то есть называть так всё прямое исполнение служебных обязанностей, – по меньшей мере двусмысленно. Тут не корм, тут зарплата следует отработывать! Или ходить на работу и не работать позволялось тогдашним КЗТом? Как-то крайне деревянно и пакостно Солоухин акценты в своём романе расставляет.

Дескать, от одного факта написания текста с фамилий руководителя в не критическом контексте следует оправдываться. Извиняться от факта наличия такого текста. Дескать, правда может быть только критическая и только злая, только разоблачительная и только злободневная.

Таки это? Конечно же, нет. Всеволод Овчинников, патриарх нашей международной журналистики с 60-летним профессиональным стажем рассказывал в 2012 году: "Молодые коллеги по роду удивляются: как удавалось мне 40 лет говорить своим голосом в жёстко регламентированных советских СМИ? И я отвечаю: козону, который защищал меня от цензуры, была моя компетентность в проблемах Дальнего Востока".

С журналистом солидарен и писатель Сергей Есин: "настоящий утверждается мнение, что, мол, талант потому и развивался, что ему надо было преодолевать беспощадность цензуры. Это нет так.

Однажды я спросил у Сергея Павловича Залыгина, много ли у него выбростила цензура? Он сказал, что за всю жизнь, изо всех произведений, вместе взятых, – полстраницы. Не думаю, что у кого-то повернется язык упрекнуть Сергея Павловича в приспособленчестве. Он писал правду жизни, боролся за сохранение природы...

Понимаете, это большой талант – уметь сказать всё. Наши писатели-диссиденты Аксёнов, Войнович, Довлатов не хотели разговаривать с читателем, они умели

только прокричать. Что не сумел сказать Михаил Шолохов? Он всё сказал.

А чего не сказал Василий Белов? Он сказал гораздо больше Аксёнова, издававшегося на Западе".

Солоухин в отличие от своих коллег Овчинникова и Есина чрезвычайно простил ситуацию. Довёл её до простенькой элементарной схемы. Однако, жизнь – не схема. Олять-таки выступает в действие человеческий принцип выбора. Честно выполняя свою работу в рамках должностных обязанностей или держат фигу в кармане, считая, что отработываешь какой-то "корм". Полагая во втором случае, что обывание своей работы "кормом" избавляет от каких-либо мук совести и профессиональной компетентности.

Понятно, впрочем, что так радикально писатель Солоухин начал думать уже в 1973-1976 годах, а не в шестидесятые, но эволюция подходов прослеживается чёткая, и, наверняка, даже в шестидесятые что-то уже подсаживало Буренину: это – твой кадр. Почувствовал, видимо, фронт в клетчатом жилжаке, что нет у Владимира Алексее-

вича при всей талантливости его и эмоциональности – глубины чувствований. Нет крепости советских идеолов. Нет стержня.

"Я и опомниться не успел, как сделался комсомольцем. В техникуме. Все должны были комсомольцами. Никому и в голову не приходило, что можно взять и не быть. Даже трудно себе представить", – рассказывал Солоухин.

Похожий автоматизм сработал и в случае с приёмом в ряды КПСС. Шуртаков и Парфёнов написали рекомендацию, дело передано в райком и вот уже на свет является молодой коммунист Солоухин. Какой пытается сводить дело своей советской правозащитности к юношеской наивности и неопытности, но как-то неубедительно у него получается.

То Кривичий ("умная рыжая лиса") говорит о Солоухине Симонову: "Всё понимает". То у самого писателя прощывается признание в своей необычайной гибкости духовной: "С одной стороны, я вожу компанию с Фировым или Чувым (Грибачёвым, Стадником, Алексеевым, Заруктиным), с другой стороны, отвожу душу в разговорах с Яшиным, Натальей Иосифовной Ильиной, с тем же Дудинцевым".

Нет, что ни говорите, а Кирилл Буренин знал, к кому обращаться. Почувствовал слабину, понял, что нет в юном авторе стали, а есть в горадо больших количествах – интеллигентский пластилин, податливость на влияние, на похвалы, попытка и блага от власти получить, и фигу свою из кармана не выронить, баюкая совесть руганью насчёт "корма".

Характерным выглядит и тот факт, что отдельной темой своего романа-исповеди Солоухин избрал тему еврейства, подробно расписывая, где, когда и с кем из лиц еврейской национальности он сталкивался. К чему бы писателю такая статистика? Кому он

что доказывает? Вроде бы говорит, что он ко всем людям относится одинаково и тут же тщательно выписывает сценки с русскими заведующим отделом литературы и искусства "Комсомольской правды" и его литконсультантом-еврейкой, которая всячески противилась публикации знаковых стихов Солоухина "Дождь в степи". С окончательным выводом: "Вообще же говоря, если взять несколько точек моей биографии, где мне наиболее напакостили, то отчётливо получается, что помогли евреи, а пакостили свои же русские".

При этом, чтобы уже совсем никто не сомневался, прилагается и перечень русских пакостников: "...вместо отдельной квартиры подсунил мне советительство со Евдокимовым Василием Александровичем Смирновым.

Отвёл от присуждения Ленинской премии своими выступлениями Николая Матвеевич Грибачёва. Оклеветал в своём пакостливом романе (хотя и под другим именем) Всеволод Анисимович Кочетов. Написал доносное стихотворение о моём перстне с изображением Николая II хоть и не антисемитом, но всё-таки Степан Петрович Шипачёв".

Очень странно весь этот солоухинский поминальник выглядит. Болезненно-возбуждённое в нём слышится. И вконец всё повторное утверждение одного и того же, чтобы не дай Бог кто не пропустил фразу, сказанную парой страниц ранее: "Жизнь сложна. Но я не могу сказать, что в этой жизни евреи мне всегда пакостили, а русские делали добро.

Скорее наоборот. По крайней мере, явно. Так что наши антисемиты считали меня ко времени знакомства с Кириллом Бурениным едва ли не продавщицей евреям, потому что, и правда, со многими из них на глазах у всего Союза писателей у меня сохраняются прекрасные отношения".

Уже было ведь про всё это сказано, однозначно и определённо, зачем, спрашивается, нужен повтор? Каковую цель он преследует? Не ясно. Зато обидно очень даже свежа и желание сказать обидное своим недругам очень даже прочитывается.

Нет, Кирилл Буренин не ошибся. Он знал, кого звать к себе в трёхкомнатную квартиру-мастерскую на восьмом этаже здания по проспекту Мира. Знал, что голова нестойкого марксиста-ленинца Солоухина закрутится здесь. Знал и куражился по полной программе:

"Все, кто приходит впервые, удивляются, откуда у меня мастерская. Нашёлся добрый человек с большими возможностями, устроил меня работать в МИД. Показываю удостоверение для полной явности. Вот. Во-первых, делать портреты дипломатов, посольских жён и детей. Во-вторых, скачу художественной фотографии. Щёлкает затвором умеет каждый, делать художественные снимки уже труднее. Иметь своё лицо здесь, как и во всяком искусстве, дано единицам. Так что вот, тружусь на благо великого коммунистического Отечества, Родина приказала. Как говорил Пушкин: "Поцелуй ручку и плечо". Окружён иностранцами. Через сорник придут журналисты из "Фигаро". Муж с женой. Знакомлю. Сволочи, гады, капиталистическая интеллигенция. Она русская про происхождения. Белоземгранская сволочь. Золотая женщина. Умница. Любит Россию. Пушкина шпарит наизусть. Фашистка..."

Член КПСС Солоухин и после такого пассажа не ушёл. Не насторожился и ничего не возразил. Всё ведь логично: если его хвалят, то это – хорошие люди. Всё логично.

Без особых проблем заглядывает писатель и все сплюсывая наживки. Покупается ради приличия и снова заглядывает. И обнажённую натуру вместе с бараками на окраине, что он видит на фотографии Буренина. И мировоззренчески более сложные понятия.

Главное не останавливая калейдоскоп впечатлений, продолжая удивлять и подавлять и без того некрепкое идеологическое существо Солоухина.

(Газетный вариант. Полностью см. на нашем сайте denlit.ru)

О романе Владимира Ремизова "Воля вольная"

О чём и говорить, если невозможность лучшего будущего звучит и из уст, пожалуй, самого необычного героя романа Жевровского, владельца огромной квартиры в центре Москвы, взявшего за привычку ездить на зимнюю охоту в таёжные дали. "В России, – рассуждает он, – власть всегда была священной коро-

Поэзия Юрия Перминова

Современная поэзия очень часто стремится уйти из пространства смысла и с каким-то плохо объяснимым сладострастием погружаться в мир вещей. В этом есть черты своего рода "материалистического блуда". Мысль находится не только в пограничном состоянии – на неё навалены груды земного мусора, бесцельные предметы, которые нас окружают, а стихотворец подобен старьевщику или продавцу комиссионного магазина: вещи, ничего, кроме вещей и лёгкой грусти, куда рука берёт одно и откладывает в сторону другое. Такое состояние лирики вызывает в памяти сакральный фразу: больной скорее мёртв, чем жив.

Есть и другие стихи, в которых бушуют эмоции, гнев или горечь насыщают слова. Но они – словно фантомы литературы, полупрозрачны: сквозит них виден реальный мир, где предметы связаны в одно целое человеческим чувством, и именно оно даёт им число и меру подробности. Эта чуть отдалённая от литературного опуса картинка шумит и дышит, меняет свои очертания – то мало-помалу, то резко, в считанные мгновения становясь неузнаваемой. Вот такие бы свойства найти в литературе, в поэзии – и тогда жизнь обрела бы своё чудесное зеркало: когда – бытийное, когда – сиюминутное, сопряжённое с короткой человеческой жизнью...

Между тем, русская поэзия наших дней связана со многими именами, которые в полной мере отвечают подобным чаяниям. Среди них – омский поэт Юрий Перминов. Долгое время его стихи как бы обретали собственное художественное правило: выверлялась интонация, ставилось лирическое дыхание. Собственно, все те признаки его стихотворений, которые можно обозначить теперь как "авторское письмо", были и прежде.

Но переливы поэтического голоса, то короткая, то длинная речь, степень погружения в атмосферу повседневности и способность воспарять над плотной реальностью – всё это складывалось годами и десятилетиями, поскольку тут важна мера каждой составной части стиха и способ соединения деталей в вол-

Шебное и воздушное целое.

Юрий Перминов опубликовал восемь поэтических сборников, а в начале осени 2014-го вышла в свет большая книга его избранных стихотворений "Песни русской окраины".

Посёлок мой ночными вышит снами, не слышно никакого воронья. С бессмертными робными небесами сливается окраина моя.

Песни русской окраины

Полночный свет расходится кругами – Господь рассыпал звёздную крупу...

Земли не ощущая под ногами, мы выйдем на небесную тропу.

В этих титульных для издания строках можно найти множество примет поэзии Перминова как таковой: сближение земли и неба; обыденные приметы – и чувство Бога; социальное и сокровенное; любовь к простому человеку... И – сознание собственной "певческой" роли: обозначить простыми словами, как взаимно переплетаются малое и великое, не разрушая и не подавляя друг друга, но существующая в пределах большой, протяжённой в веках русской жизни.

В стихах поэта очень много бытового – за ним всегда угадывается бытие. Хватает сварливых характеров – но в их глубине скрыто твёрдое зерно, из которого может родиться подвижничество или совершенно неожиданно сердечность. Окружающее пространство кажется совсем не праздничным и благоустраенным – но душа включает его в свои границы и овеивает тихой любовью...

Редко у кого из современных стихотворцев читатель найдёт такое естественное отношение к повседневности: без неумеренных творческих притязаний и жалоб на непонимание вдохновенной личности, противопоставления столицы и провинции, без сердитых слов в адрес толпы и гневных филиппик по отношению к черствой власти. Причём невозможно упрекнуть поэта в том, что ему по душе сложившееся ныне положение вещей в родной стране и отечественной культуре. Просто он ощущает себя частью России и старается сохранять

всю возможную полноту русского бытия. Не освобождая себя от вины за плохое, не покаяясь злу – но стараясь видеть и всемерно умножать добрые и светлые черты времени и человека.

У солнца, у птиц, у хороших людей на виду, не зная куда, на какую такую потребу, по городу молча – за умного, может, сойду – иду, а за мной – но по тихому ясном небу – плывут облака.

Мы с утра подружались!.. Одно печальти, покой от этого нет и минуты:

нас видят, конечно, сейчас по отдельности, но компанию нашу не видят никто почему-то.

Способность к созерцанию в огромной степени "вымыслас" из нашей поэзии, которая публицистически "приваливая перо к штыку", а лирическую грусть свела к депрессии и унынию. К тому же высокое созерцание, как правило, обнимает изменения природы, всё приземлённое не совмещается с заране взятой приподнятой интонацией. Но стихи Перминова парадоксально включают высокое и низкое в общий поток жизни. И уже потому созерцательный взгляд у него в стихах столь широк и свободен.

Важно упомянуть и о простоте, демократичности его поэтической речи, которая на самом деле, с точки зрения версификации, устроена достаточно изощрённо. Но интонация, живой голос автора скрывают этот "литературный каркас", и читатель воспринимает безыскусную речь поэта, не подозревая, что подобное обстоятельство, по существу, является свойством отточенного мастерства художника.

Сегодня стиль произведений Юрия Перминова кажется вполне сложившимся и узнаваемым, а творческое расстояние между внешним миром, душой поэта и его рукой – коротким. То есть душа – чутка и отзывчива, а рука – послушна и легка: это свидетельство зрелости таланта, когда ему по силам большие задачи. А русская жизнь не только требовательна к своим художникам, но и наполнена нежной любовью к ним. Любью, которая растворена в потоке мгновений – и не подвластна проским тьме.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Шум ветра и рев дикого зверя

память языковые решения. По сути, в тексте нет ничего, что могло бы привлечь массового читателя, кроме разве что, по меткому выражению издателя, "воровской тоске русского мужика по воле".

Чего здесь в избытке, так это Большой России, так называемого ЗАМКАДья, с устоявшимися десятилетиями, если не веками проблемами, несурзациями и противоречиями, где каждый зависит от каждого, а все участники жизненного цикла повязаны цепью чаще всего вынужденных отношений.

В "Воле вольной" нашлось место и ментам, ставшим "противоположностью вольной природы", и браконьерам в тайге, где "каждый был за себя и не то, что соседу, а и жене не доверял", и многочисленным описанием природы, от которых поневольно захватывает дух.

Даже место издания романа, а это неприглядное ступиному взгляду Хабаровск, будто бы призвано напомнить о том, из каких, часто плохо скрөөнных между собой, кусочков состоит наша страна, и как сложно, читай невозможно, в ситуации взаимного непонимания грамотно управиться с этой безразмерной машиной.

В чём причина этой неустойчивости и всеобщего дискомфорта? В противоречии, сформированном героями романа, где "меж теми людьми, что смотрят на небо из московских кабинетов... и дядя Сашей, греющим сейчас по тайге старым железом, нет ничего общего", как нет ничего общего между десятками тысяч других людей, выполняющих чью-то волю за тридцать земель от центра принятых решений. При этом "нынешняя власть и вообще нынешнее положение дел довольно точно соответствуют желаниям и представлениям о благополучии абсолютного большинства российских граждан".

Арслан ХАСАВОВ

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Рассказ

Многим людям, хотя бы раз в жизни занимавшимся какими-либо тщательными изысканиями в дальней или ближайшей истории, знакомо состояние необычайно обостренного восприятия уже не существующей реальности, когда всё происходящее вокруг отходит на второй план, становится менее существенным, нежели та область испытываемого времени, в которую изо всех сил стараешься погрузиться, чтобы постичь.

Александр СЕГЕНЬ

Несколько лет назад и я был охвачен таким состоянием, когда работал над диссертацией о жизни Сергея Медеянского. Человек честолюбивый, я никоим образом и в мыслях не мог допустить, чтобы мой труд явился бы всего лишь средством для достижения научной степени и лёг на полку в качестве хоть и неглупой, но, в общем, бесполезной макулатуры, столь обильно производимой до недавнего времени множеством аспирантов бесчисленных кафедр. О нет! Мне видела замечательная монография, изданная солидным издателем и сразу вошедшая в анналы отечественной историко-литературоведческой науки.

Я проводил бесчисленные часы в архивах и библиотеках, выезжал в разные города, связанные с именем Медеянского, и, как подводная лодка, идущая по следу крейсера, постоянно чувствовал, что держу этот след, что вода, которую я разрезаю, ещё недавно билась о борт крейсера. Мне мерещились отдалённые голоса умерших людей, чудилось, будто я даже могу на ощупь попробовать материю их одежды, прикоснуться к плечу, локтю, а то и даже взять под руку какую-нибудь тень угасшего прошлого, спросить о чём-либо и получить ответ, пусть невнятный, но который можно будет расшифровать.

Мне снились длинные, запутанные и необыкновенные в своей шемцовой реалистичности сны. И вот однажды я увидел себя на пляже у моря, к которому сбегали горы, чьи вершины горделиво выглядели из одеяния кипарисов и туи. Меня подвели в компании молодых женщин, сидящих и лежащих возле самой кромки прибоя, и представили им как начинающего поэта и исследователя литературы. Некоторые из женщин были очень красивые, другие не очень. Все они были одеты в старомодные купальные костюмы, две из них только что вылезли мокрые из моря, две других тотчас при моём появлении с радостным кличем кинулись купаться. Мне предложили арбуз, я поделал на мякучю огромную подстилку. Почему-то я не спешил остаться в плавках и так и сидел в брюках, пиджаке, сорочке, носках и ботинках. Только позволил себе ослабить галстук.

Я очень скоро узнал, что одна из брюнеток – Ариадна Бронц, и постарался подсесть к ней поближе, тем более что и она почему-то проявила интерес к моей невзрачной личности. Между нами как-то легко завязался разговор, будто мы давно были знакомы. В жизни... Простите, но мне, ибо всё это было сон, она оказалась гораздо красивее, чем на фотографиях, всегда заставлявших меня удивляться, что нашёл Медеянский в этой женщине, почему так страдал из-за её капризов и не замечал, какое это чудовище. Нет, снова неточность: не красивее, а выразительнее, и ещё лучше сказать притягательнее. Этой притягательности, которую я ощутил при встрече с Ариадной Бронц, не передавала ни одна фотография, ни один из тридцати портретов, в том числе и лентуловский. Её глаза, на смешливо и одновременно настороженно, весело и то же время скорбно, мягко, но и властно смотревшие на меня, обладали несомненным даром улавливать и владеть теми, на кого обращен их хищно-заинтересованный взгляд.

Не помню точно начала нашей беседы, но могу сказать определённо: я поддался власти глаз Ариадны Бронц и в первое время напряглую пустился актёрствовать – шутил, высказывал мысли, способные приятно удивлять и воодушевлять внимание собеседницы. Она то смеялась, то незлобно, а даже как бы податливо, возмущалась некоторыми из моих высказываний. Наш разговор привлек внимание других женщин, незаметно к компании присоединилось двое: трое мужчин, и они тоже вовлеклись в разговор. Я распустил хвост и почти совсем упустил из виду, среди какого сорта людей нахожусь, пока до моего сознания случайно или неслучайно не дошло, что среди женщин присутствует жена некоего значительного лица в коммунистической иерархии, чуть ли не Генриха Ягоды. Это меня сильно отрезвило и придало совершенно иное качество моим остротам и замечаниям. Я стал язвительнее, беспощаднее, смел, и, главное, вдруг избавился от плена притягательных глаз Ариадны Бронц. Я стал ближе вести разговор к темам, по которым гуляло электричество. Так мы заговорили, наконец, о жизни и смерти.

– Неужели вы и впрямь верите в загробную жизнь? – помню, спросила меня одна из женщин.

– Мало того, загорелая вы моя, – ответил я, – вы и сами вполне в это верите, иначе не стали бы с таким, простите, восторгом поедать персик. Что-то внутри вас подсказывает вам, что по ту сторону солнца и моря едва ли дадут вам удовольствие в подобном плодом. Вы вполне спешите насладиться своими телесными потребностями, потому что отрезок этой жизни так мал по сравнению вечностью, которая ждёт вас впереди.

– А в восточности, значит, персиков не дают? – насмешливо, но поживаясь, спросила Ариадна Бронц.

– Вы прекрасно знаете, какая именно вечность ждёт вас всех. И в том числе вас, Ариадна Львовна, – отвечал я мрачно, но тотчас поспешил смягчить безжалостное суждение: – Хотя я уверен, что многие, если спросить их, предпочли бы несколько минут вашего общества любой вечности.

– Многие, но не вы, как я понимаю.

– Я? Моё существование вообще

под вопросом. Вы так никогда и не узнаете, кто я и откуда. Между нами беспроблемная разница Я знаю о вас, о Сергее Сергеевиче и Льева Ильиче очень много, в то время как обо мне у вас никогда не будет никаких сведений.

– Так я, то резко, то постепенно, стал переводить наш разговор совершенно в другую реальность, ведь находясь в состоянии сна, во власти сновидения, я осознавал, что это всё сон. И все они, а в особенности она, уже находились в подчинении моего сновидения. При этом мне удавалось подавать все мои пугающие высказывания таким тоном, что у них постоянно держалось ощущение, будто они вовлечены в какую-то интересную, страшноватенькую игру. То ли я оригинально рисуюсь, то ли действительной собой нечто неслыханно оригинальное – они никак не могли понять. Я отпустил несколько таких жёлчных фраз в адрес существующего порядка власти в

сая первом? – Да, двенадцатого апреля. – Так вот, запомните, мальчик, что я не доживу до того времени, никогда не буду старухой. Старость – не для меня. Как только я почувствую, что старею, приму яд. И он есть у меня под рукой.

– Знаю, знаю, – усмехнулся я. – Ведь именно этим ядом вы собственноручно отравили князя Алабышева.

– Маска смеха застыла на её лице и окаменела.

– Несчастливая вы, Ариадна Львовна, – продолжал я, чувствуя, как исчерпан идеями – она предупредила исследованиях, что мстит им за некоем многовековом зло и рабство народа.

– Но больше, чем идея мести, её охватывало едва ли не сексуальное возбуждение, когда она собственной маленькой ручкой отрезала какую-нибудь частичку тела у бывшего полицейского чина или у какого-нибудь судебного репортёра, в своё время не слишком пылко защищавшего в прессе борцов с многовековым злом и рабством. Или у того самого князя Алабышева, про которого одно время просочились откуда-то слухи, будто отравила его лично Ариадна Бронц. Она отравила его, это точно. У неё имелся пузырёк с редким ядом, до-

ЧЕРНАЯ НИТЬ АРИАДНЫ

России, что это сильно их насторожило. Если я до сих пор не арестован, то непременно скоро буду. А если не буду, то значит – имею право на подобное оригинальничанье.

Впрочем, тут уж начались мои домыслы. Скорее всего, в своей среде они ко многому привыкли – и к прокураторам, и к сумасшедшим, которых какая-то неведомая сила до поры до времени хранит от непосредственного участия в самых грандиозных стройках социалистического века. Вопреки ожиданиям в ответ на некоторые мои фразы не поднялось никакой паники. Женщины и мужчины оставались почти безмятежны, а вскоре отвлеклись от нашего разговора с Ариадной и полезли купаться.

Мы остались вдвоём и заговорили о Сергее Сергеевиче, о его необыкновенном поэтическом даром, потраченном впустую. Я так и сказал ей, а затем принялся рисовать картину будущего, как с течением времени интерес к поэзии Медеянского будет не ослабевать, а в какой-то период даже поднимется незаслуженно высоко, но потом придут другие поколения, иные оценки и пристрастия, и бедного Сергея Сергеевича сначала станут считать смешным и жалким, а потом и вовсе забудут.

Останется разве что феномен тройственного союза между Львом Бронцем, Сергеем Медеяльским и Ариадной Медеяльской-Бронц, да и то в качестве объекта изучения сексо- и психологологов.

Она разозлилась, глаза её вспыхнули фиолетовым адским пламенем. Передо мной уже сидела не оборотливая женщина-маска, а скользкая гадина, способная обвить человека множеством колец своего извивающегося тела и удушить.

Но это был лишь миг, лишь стремительная молния. Змея, испугавшись своего обнажившегося обличья, юркнула назад в нору. Ариадна Львовна рассмеялась, и уже сквозь смех прокатилось эхо злобы:

– А вы ядовитенький! Ха-ха-ха! Ядовитенький мальчик. Жаль, что Сергей Сергеевич не слышит ваших речей.

– А кстати, где сейчас Медеяльский? – спросил я.

– Где... Да вон же он валяется, – указала она небрежным взмахом руки в сторону лежащего несколько в отдалении человека, голова которого была укутана полотенцем.

– Спит?

– Пьян. Напузырился шампанским с самого утра.

И в подтверждение её слов подле лежащего поэта сверкнула зелёным боком пустая бутылка из-под шампанского. Я всмотрелся в лежащее тело, и мне стало почти до слёз жаль Сергея Сергеевича. Он казался мне добрым морским существом, выброшенным на берег и утонувшим, чтобы вне родной стихии до смерти засохнуть под пальцами солнца. Туловище, одетое в чёрный купальный костюм, казалось массивным и длинным, а поджатые ноги непропорционально короткими, словно ласты, ставшие на суше бесполезными.

– Очки разбил... – вздохнула Ариадна Бронц, показывая мне крошечные зелёные очки с расколотым одним стеклышком.

– Неужели это его очки? – невольно вырвалось у меня, до того захотелось стать обладателем этих очков.

– Да, – сказала она. – Не обольщайтесь, не думайте, будто вы один такой проницательный. Все, что вы говорите о Сергее Сергеевиче, я и сама знаю.

– И всё же не знаете очень многого, – возразил я, почувствовав, что силы сна на исходе и меня начинает уносить. Купающиеся плыли назад к берегу, и мне захотелось успеть сказать ей нечто на память, сделать какую-то записку на всю её жизнь.

– Чего же, например, я не знаю? – спросила она.

– Например, того, когда в космос полетит первый человек, – выбрал я первое попавшееся.

– И-и-и! – протянула она, расплываясь в разочарованной улыбке. – Что-то вы совсем сдулись. Даже обидно как-то. Были минуты, когда я очаровывалась вами.

– Прислушайтесь, Ариадна Львовна, – спешил я. – Я сейчас скажу вам, а вы потом вспомните мои слова. Так вот, запомните: двенадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года на космическом корабле впервые будет запущен космонавт Юрий Гагарин.

Она хмыкнула, дёрнула плечом и, резко поднявшись на ноги, направилась к морю, а я проснулся у себя дома спустя шесть лет после того, как Ариадна Бронц приняла яд на своей даче в Переделкине.

К тому времени, когда мне привиделся этот сон, я и половины не знал всего того, что мне довелось узнать потом о жизни Медеяльского и супружеской четы Бронц. И сон был воспринят мною как дикий проявление моей разворошённой исследованиями фантазии. Я охотно рассказал об увиденном мне некоторым из моих друзей, но никто не верил, что такое может присниться – такое подробное и литературовидное.

О ту пору в монолитной глыбе, именуемой "Россия XX века", ненадолго открылась щель между отжившим своё насыльственным социализмом и идущим ему на смену насыльственным капитализмом. Открылся доступ к архивам, свободному передвижению внутри и за пределами границ Родины и ещё не навалилось тяжкое бремя денежной зависимости, ещё не грянули разруха и война, не вылезло на свет Божий такое изобилие тупой и равнодушной ко всему, кроме распродажи, массы человеческого сброда. Я отложил уже готовую диссертацию, предвидя возможности для ещё большего её наполнения ценным материалом. Мне удалось совершить несколько очень плодотворных поездок в разные страны, в том числе в Штаты, в результате чего я обогатился фактами, которые при желании любой сможет узнать, прочитав мою книгу, если только в нынешней России, заваленной изменной печатной продукцией, мне удастся мою книгу опубликовать.

Именно в этот краткий период между Горбачёвым и Ельциным я получил документы, подтверждающие, что Лев Ильич Бронц, родившийся в 1870 году в Вильне, был не только мужем Ариадны Львовны Бронц, но и её отцом. Приехал в середине девятых годов в Америку, Лев Ильич женился там на Норе Коэн и в 1899 году у них родилась дочь, которую назвали Ариадной. Нора Бронц скончалась 1915 году в Сан-Франциско при странных обстоятельствах. Неутешные муж и дочь покинули Соединенные Штаты и до 1919 года путешествовали по разным экзотическим странам мира, а летом 1919 года объявились в Москве уже в качестве супругов. История любви отца и дочери Бронцев заслуживает глубокого психоаналитического исследования, но поскольку эта тема затрагивается в моей книге в соприкосновении с личностью Сергея Медеяльского, я воздерживаюсь от её развёрнутого освещения.

Лев Бронц пользовался большим авторитетом среди большевиков, но дела его связаны больше с финансированием революции и внушением её плодов, нежели с политикой и идеологией большевизма. Во всяком случае, Лев Ильич умудрился прожить до 1936 года в Советской России, не занимая никаких значительных должностей и при сём живя в лучших русских домах и гостиницах, всюду разъезжая, всюду суя свой сон.

В Москве с семьёй Бронц стал дружен двадцатичетырёхлетний поэт Сергей Медеяльский. Об истории его взаимоотношений с Бронцами много написано в моей книге, и потому я не стану здесь подробно останавливаться. Известно и без меня, что с начала тридцатых годов Медеяльский стал официальным мужем Ариадны, а Лев Ильич продолжал жить при них на правах доброго друга, с которым они не в состоянии расстаться. Давно, и опять-таки без меня, известно всему миру, что Ариадна Львовна была одновременно женой и Медеяльского и Бронца, она и фамилию то себе взяла в 1931 году – Медеяльская-Бронц.

Другое дело, что до сих пор умалчивается факт отцовства Льва Ильича по отношению к Ариадне Львовне, а также и то, что дочь оставалась любовницей собственного отца в значительной степени, нежели любовницей своего официального мужа. А поскольку не исключено, что эта записка увидит свет раньше, чем книга "Сергей Медеяльский", то здесь я спешу предупредить всех, интересующихся литературой и историей об этом более чем странном альянсе. Даже обожатель подобных пикантностей Григорий Климов до сих пор ничего не написал об этом.

И всё же основная цель моего рассказа иная. Естественно, что в книге о Медеяльском я не повествовую о своём необыкновенном сне про пляж и разговор с Ариадной Бронц. О нём я пишу здесь и только здесь. О нём и о том фантастическом продолжении,

которое этот сон получил в моей действительной жизни.

Отправляясь в Германию, я уже имел достоверные сведения о том, что патологическое существо, появившееся в двадцатых и начале тридцатых годов в застенках киевской и московской чрезвычайки и известное под кличкой "Ядочка", в своей наземной жизни именовалось Ариадной Львовной Бронц. В жизни подземной, оборачиваясь Ядочкой, эта рептилия с наслаждением участвовала в изверских пытках. О, она была вдохновлена идеями – она предупредила исследованиях, что мстит им за некоем многовековом зло и рабство народа.

– Но больше, чем идея мести, её охватывало едва ли не сексуальное возбуждение, когда она собственной маленькой ручной отрезала какую-нибудь частичку тела у бывшего полицейского чина или у какого-нибудь судебного репортёра, в своё время не слишком пылко защищавшего в прессе борцов с многовековым злом и рабством. Или у того самого князя Алабышева, про которого одно время просочились откуда-то слухи, будто отравила его лично Ариадна Бронц. Она отравила его, это точно. У неё имелся пузырёк с редким ядом, до-

ставлявшим особенные муки. Сей пузырёк всегда был при ней, сколько раз она загнупала Медеяльского, чтобы выпнать содержимое пузырька без остатка; у пузырька даже было имя – разумеется, Аввадон. "О как я боюсь этих длительных, ползучих расставаний! – писал в одном из своих писем Медеяльский. – Как страшит меня твой жуткий Аввадоша, будь он трижды неладно. Как я молось порой, сам не зная кому, чорту лысому, чтобы зелье выдохлось или превратилось в коньячок. Адошка, ненаглядная, лодочка моя, грудочка, маточка, ушко берлинское! Заклинаю тебя Адошка, всеми силами ада ЧКа, – выкинь ты эту мерзость в какие-нибудь волны или подари финнспектору; скажи, мол, от заповорь помогает". Дальше в том письме следует рисунок – несует гроб с финнспектором, а за ним идёт порохонная процессия – слоник и змейка, как изображал себя и Ариадну Львовну Медеяльскую почти во всех своих письмах к ней. Кстати, я помню, как всё во мне зашевелилось, когда я сопоставил слоника и змейку с рисунком из "Маленького принца", где Экзюпери изобразил слона, печально сидящего внутри заглотившего его удава...

Не об этом ли "Аввадоше" в одном из самых нелепых стихотворений Медеяльского? – "Кричащих битумов безрадостная стын..", и т.д.

Известное стихотворение, незачем приводить его целиком. Кому интересно мой рассказ, перечитайте эти десять строк и задумайтесь. Не о жертвах ли Ядочки идёт речь? Хотя до сих пор не известно, знал ли сам Сергей Сергеевич о том, что Ариадна Львовна не только "лодочка", "маточка", не только "ушко берлинское" и "сладость медеяльская", и даже не только "змейка змеячья моисейская", как в некоторых письмах с наёмком на библейского медного змия, с помощью которого Моисей спас в пустыне народ свой от укусов живых змей, – но ещё и легендарная Ядочка, которая, научив очередную свою жертву, давала ей каплюшку "Аввадоши", дабы и предсмертные муки несчастного человека доставляли мучительно полную удовлетворения...

Итак, я приехал в Германию, где прочёл несколько лекций в маленьких университетских городках Рейнской области и Вестфалии. Я видел скалу Лорелю, забирался на самый верх Кёльнского собора, в котором покоятся мощи трёх волхов, пил пиво, ел вюрстхен, бродил по прыничным улицам из сказок братьев Гримм и всё такое прочее. Последний город, в котором мне довелось побывать перед возвращением в Кёльн, а оттуда через Франкфурт-на-Майне – в Москву, был Аахен, волшебный Аахен, где в Домском соборе стоит гроб Карла Великого и хранятся пелены младенца Христа. Я настолько был тронут и восхищён красотой этого маленького, но знаменитого городка на месте схождения Германии, Бельгии и Голландии, что напрочь забыл о пребывании здесь в 1931 году супружеского трио Медеяльских-Бронц во время их путешествия через Европу в Америку и обратно. Да, честно признаться, уже тогда я сильно начал тяготиться своими исследованиями в этой области, мне уже тогда, хотя и меньше, чем сейчас, хотелось уйти куда-то к свету, чистоте, здоровью души.

Никогда не забыть мне уютнейшего вечера, который я провёл в гостях у редактора журнала "Osteuropa" Александра Штайningerа. Мы сидели за обильным столом, говорили, смеялись, пели, читали стихи. Штайninger в молодости был в России в качестве военнопленного и с той поры влюблён в мою Родину и в мой народ. Вторым его гостем был в тот вечер Феликс Розинер, писатель, эмигрировавший из России сначала в Израиль, потом в Америку. С ним у нас состоялся отличный дуэт, и мы спели песню тридцать, если не больше, начинающаяся с "Как ныне собирается вещей Олел!" и кончая песнями на стихи Фа-

тьянова и Исаковского, под бурный восторг и аплодисменты Штайningerа, его милый жены, сына и невесты сына, французки, которая потом без запинки спела народные французские песни, а её будущая свекровь сыграла нам на губной гармошке. Короче говоря, вечер удался на славу, и в гостиницу "Ибис", где мы с Розинером остановились, Штайninger отвёз нас на своём "Мерседесе" уже в два часа ночи.

Войдя в свой номер, пьяненький и веселенький, я принял душ, а в ушах у меня всё ещё звенел смех, в глазах мелькали улыбки, а в сердце ещё плыла последняя песня, которую мы с Феликом исполнили для радужных хозяев перед уходом:

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая...

И я уже стал с тоской думать о той хорошей и красивой, что ждала меня дома в Москве, как вдруг раздался телефонный звонок. Я снял трубку, и ко мне обратились по-русски, хотя я с очень сильным акцентом: – Здравствуйте. Это говорит Александр Георгиевич Кардашов?

– Да, он самый.

– Если не ошибаюсь, вы есть исполнитель жизни и литературы Сергея Медеяльского?

– Не ошибаетесь.

– Простите, не понял – вы есть или не есть?

– Да, я есть тот самый Кардашов, который написал книгу о Медеяльском, – медленно, с расстановкой, чтобы человек понял, ответил я.

– Очень хорошо. Здесь сейчас это разговоривает с вами сын Ариадны Медеяльской-Бронц. Меня зовут Яков Менш.

Веселый хмелёк, под которым я вернулся от Штайningerа, вмиг превратился в нечто скучное и пошлое, как выдохшее пиво. Ещё одна тайна Ядочки! Боже, как они надоели, эти её тайны, старательно расставленные по всему миру, словно ловушки для мелкого зверя и птицы!

– Слушаю вас внимательно, – сосредоточенно сказал я.

– Вы могли бы сейчас здесь приехать ко мне? Я живу недалеко от гостиницы "Ибис", где есть расположена вы. Я припущу за вами такси.

Я немного поразмыслил – это меня вполне устраивало, ведь мой отъезд из Аахена завтра вечером, а днем Штайninger обещал повозить меня и Розинера по Бельгии и Голландии. Я уже был не так увлечён собранием подробностей жизни Медеяльского, как пару-тройку лет назад, и охотнее предпочёл бы поездку. Тем более что в последнее время из судьбы Медеяльского исследования уводили меня в судьбу Ариадны Бронц, от которой меня уже тошнило.

– Хорошо, я готов.

– Какой у вас адрес? Я позвоню в такси-сервис, не беспокойтесь. Ждите, – сказал Яков Менш и повесил трубку. Даже за несколько недель в Германии я не привык, что ждуть такси здесь не то, что в некоторых других странах, и в очередной раз был ошарашен, когда через пять минут позвонила консьержка и сообщила, что у входа меня ожидает такси. А ещё через четыре минуты таксист привёз меня на Вильгельмштрассе.

Возле дома, у которого остановилась машина, меня встречал пожилой мужчина. Увидев, что я собираюсь расплываться, он осветил пропуснул голову в окошко автомобиля и, пробормотав: "Nei-inei-inei", – сам заплыл указанную на счётчике сумму, а уже потом, открыв дверцу, осведомился:

– Herr Kardaschov?

– Ja.

– Bitte, willkommen.

Я последовал за ним, заключая, что если он не говорит по-русски, следовательно, это не он мне звонил по телефону. Мы поднялись на третий этаж, вошли в квартиру, меня одолевал сон, и уже казалось, что всё это снится. Встречавший провёл меня в одну из комнат, где я увидел некое человекоподобное существо, сидящее в инвалидной коляске напротив искусственного, но очень похожего на настоящий, камня. Голова этого существа, покрытая пышной седой барашковой шевелюрой, казалась огромной по сравнению с крошечными плечиками, куриной грудью, короткими и тонкими руками. Но у него почти не было вовсе, как у придворного карлика на одной из картин Веласкеса. Одет господин Менш был в какое-то ярко расшитое огненными драконами кимоно, и, видимо, только оно могло как-то скрывать его карликовость.

Я подошёл, чтобы пожать его жилистую лапу. Несколько секунд мы внимательно разглядывали лица друг друга. Из-под крупных очков с сильными диоптриями на меня смотрели печальные, но в то же время очень живые глаза, непомерно большие губы постоянно двигались, будто дегустировали каплю старинного вина.

– Это мой слуга, Штинкер, – сказал Менш, когда Штинкер подставлял мне кресло. – Будьте как дома. Сколько вы имеете времени для беседы со мной?

– В восемь часов за мной должны приехать в гостиницу, – ответил я, убавляя один час – Штайninger обещал приехать в девять.

– Пять часов. Очень хорошо. Как говорится, не будем тратить время. Вам должно быть интересно, как я нашёл вас. Могу сказать одно – вы постоянно находитесь в поле моего зрения с тех пор, как были напечатаны ваши первые статьи о Медеяльском. Мне нравится та искренность, с какой вы интересуетесь судьбой моей матери и её поэта. К сожалению, как вы сами догадываетесь, есть многое в их истории, что должно остаться тайной. И не ждите, что я буду открывать вам некоторый секрет. Скажите, известно ли вам было что-нибудь о моём существовании?

– Я знал, что Сергей Сергеевич, Лев Ильич и Ариадна Львовна в тридцать первом году посетили Аахен, но о вас, как и вообще о том, были ли у Ариадны Львовны дети, я, признаюсь, не знал до сего дня ровным счётом ничего.

– Это и понятно, – печально усмехнулся он.

Штинкер принёс напитки, печенье, орешки и удалился. Разговор между мной и сыном Ариадны Бронц неожиданно потёк по какому-то отвлечённому руслу, что, естественно, стало меня раздражать. Менш принялся расспрашивать меня, какие художники мне нравятся, с его и моей стороны посыпались оценки Кандинского, Малевича, Шагала, Пикассо, Эль Греко, Боттичелли, Тициана, Лентулова, Латура, Глазунова, Дали, Кустодиева, Диска, Роланде, Веласкеса, Редона, Рубенса, Ренуара и так далее... Кончилось тем, что Менш заставил меня встать и взять со шкафа приготовленный для меня в подарок альбом Вадима Сидура, что можно было вполне расценить как издёвку, поскольку из учёного мне допроса хозяин мог бы только уяснить – трупы, виселицы и фаллические пистолеты этого мрачного конъюнктурщика не вызовут во мне ничего, кроме омерзения. Но я всё же поблагодарил Менша за подарок, после чего начался второй тур – музыка. Мы столь же подробно перебрали всех композиторов от Альбинони до Шнитке, а в итоге я получил в подарок пластинку, на которой значились симфонии какого-то Шмуйцечика. Конверт пластинки был щедро расписан мазней в духе Сидура, из чего можно было сделать вывод и о характере записанной там музыки. После разговора о поэзии я получил более-менее сносный подарок – тонусенький сборник стихов Иосифа Бродского на немецком языке.

Часы пробили пять. Глаза мои мучительно слепились, чему немало способствовали различные ликёры, которыми меня потчевали. Я стал чувствовать себя в ловушке, если не хуже – в застенке. Менш явно издевался надо мной, наслаждаясь моими мучениями, пусть и не такими страшными, как те, которыми развлекался когда-то его мамаша, садистка Ядочка. Глаза этого уродца с каждой минутой делались всё живее, а печаль в них сменялась неким кровавадным азартом. Наконец он опомнился, прервал нуднейшее рассуждение об архитектуре "несравненного" Гауди и произнес:

– Мне кажется, мы с вами заболтались. Поверьте, мне приятно было найти в вашем лице образованного и разностороннего собеседника. Я вижу, что это и есть вы. Тот самый.

– Тот самый?... Хм, благодарю вас... – пробормотал я.

– Да, тот самый, кому я имею необходимость показать одну рукопись. Вы не узнаете, каким образом она попала ко мне. Вы также не узнаете ничего больше того, что прочтёте тут. Когда вы закончите чтение, я отберу у вас рукопись, и мы попрощаемся.

С этими словами он сунул руку себе под мышку и извлек из складок кимоно толстенную тетрадку небольшого формата.

– Вот, читайте, а я, если не возражаете, буду с любопытством смотреть на вас в это время, – сказал он, протягивая мне тетрадку.

Открыв первую страницу, я вмиг проснулся. Передо мной был дневник Ариадны Бронц, начинавшийся 1959 годом. Я сразу узнал её редкостный мелкий почерк – Ариадна Львовна всегда писала так, будто старалась не начертить буквы, а спрятать их в бумаге.

– Час поздний, нельзя ли попрощать лугу? – спросил я.

– Штинкер уже спит, а я порой не знаю, где лежат некоторые мои вещи, – ответил Менш с издёвкой во взгляде. "Чорт бы тебя побрал!" – искренне пожелал я этому – незнамо, Якову Львовичу или Якову Сергеевичу. А может быть, Якову Аввадоновичу?

Можете себе представить, насколько трудно мне сейчас воссоздать прочитанное в ту ночь в гостях у Якоба Менша. Записи в своём дневнике Ариадна Бронц вела не постоянно.

Это были короткие отрывочные фразы, лишь в очень редких случаях отнесенные с предшествующими им датами. Приблизительнейшим образом привожу здесь то, что мне запомнилось в записях, и настаиваю, чтобы это никто и нигде не смел цитировать в качестве ссылки на документ.

"10 января. Мела метель. Белая, белая, как тот далёкий год, от которого у меня остался лишь старый шёлковый пенюар. Слышу запах, вижу лустые глазницы прошлого, я, которая не хотела дожить и до сорока лет.

15 января. Всё-таки, это север. Варвара уговаривает меня пить какую-то святую воду из каких-то здеш-

В первые дни февраля 1837 года в Москву пришли горестные известия о тяжёлом ранении Александра Пушкина на дуэли и его кончине.

4 февраля Боратынскому приехал Погодин. "Говорили о Пушкине и плакали", – записал потом Михаил Петрович в дневнике.

На следующий день Боратынский отправил Вяземскому в Петербург крайне взволнованное письмо:

"Пишу к вам под громовым впечатлением, произведённым во мне и во мне одном ужасною вестью о гибели Пушкина. Как русский, как товарищ, как семьянин скорблю и негодую. Мы лишились таланта первостепенного, может быть, ещё не достигшего своего полного развития, который совершил бы непредвиденное, если бы разрешились сети, раставленные ему обстоятельствами, если бы в последней, отчаянной его схватке с ними судьба преклонила весы свои в его пользу. Не могу выразить, что я и чувствую; знаю только, что я потрясён глубоко и со слезами, ропотом, недоумением беспрестанно себя спрашиваю: зачем это так, а не иначе?"

Естественно ли, чтобы великий человек, в зрелых летах, погиб на поединке, как неосторожный мальчишка? Сколько тут вины его собственной, чужой, несчастного предопределения? В какой внезапной неблагоприятности к возникающему голосу России Провидение отделило око своё от поэта, давно составившего её славу и ещё бывшего (что бы ни говорили злоба и зависть) её великою надеждою?"

Далее Боратынский пишет, как пришёл в скорбный час в дом Сергея Львовича Пушкина:

"Я навесил отца в ту самую минуту, как его уведомили о страшном происшествии. Он, как безумный, долго не хотел верить. Наконец на общие весьма не убедительные увещания сказал: "Мне остаётся одно: молить Бога не отнять у меня памяти, чтоб я его не забыл". Это было произнесено с раздирающею ласковою интонацией."

"Есть люди в Москве, знавшие об общественном бедствии с отвратительным равнодушием, – с возмущением заключает письмо Боратынский, – но участвующее поражённое большинство скоро принудит их к пристойному лицемерию."

Пушкин скончался 29 января. Накануне Пётр Андреевич Вяземский с женой, Верой Фёдоровной, были у него, в доме на Мойке: Пушкин, тяжело страдающий от боли, прощался с друзьями...

1 февраля поэта отпевали. Когда вынесли на руках гроб, Вяземский упал без сознания перед процессией; Жуковский поднял его – Вяземский рыдал и бился в его руках...

Он хотел сопровождать гроб с телом Пушкина на Псковоичну в Святые Горы, но царь не позволил, отрядив для этого Александра Ивановича Тургенева, единственного из друзей поэта, не занятого по службе. С горы Вяземский слёг... А Тургенев повёл себя странно: поручение его обидело; кроме того, в одном из писем он посочувствовал убийце, который отделился разжалованием в солдаты и высылкой из страны: "Но несчастный спасшийся – не несчастнее ли?..."

Вяземский же – мучился и нравственно. Пушкин не был понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями, – осознал он. – Признаюсь и прошу в том прощения у его памяти!"

7 февраля Екатерина Михайловна Хомякова (Языкова), молодая жена Алексея Хомякова, писала из Москвы сестре, Прасковье Михайловне Бестужевой:

"Здесь были Баратынские и сказывали, что жена Пушкина сошла с ума, и точно, есть с чего. Государь дал на его похороны 10 тысяч и 11 тысяч детям, которых взял под своё покровительство. Баратынский говорит, что благодетеля государя растрогали его до слёз. Честь ему и слава, что он умеет ценить таких людей, каков был Пушкин!"

То же самое она сообщила и своему родному брату, поэту Николаю Михайловичу Языкову.

А в конце февраля Е.М. Хомякова написала П.М. Бестужевой, что Боратынский "стал ужасно пить". Муж, Алексей, заглянул к поэту и "нашёл его дома пьяным, ужасно жалуясь – 8 человек детей..."

По мнению А.М. Пескова, слова Хомяковой не стоит "принимать полностью всерьёз: она была склонна к преувеличению многих город-

ских новостей". Вполне убедительно: Екатерина Михайловне было всего двадцать лет; она, разумеется, по благовопитанности отнюдь не была любительницей слухов, но, видно, сильно обеспокоилась за детей: у страха глаза велики. Да и вряд ли она могла понять то, как горюет поэт о своём собрате...

В апреле Боратынский получил из Петербурга от Жуковского посмертную маску Пушкина; такая же маска была прислана отцу Пушкина, Сергею Львовичу, и другу, Павлу Воиновичу Нащокину.

Сохранилось письмо неизвестного лица к неизвестному же адресату от 6 мая 1837 года: "Третьего дня я был у Баратынского, он мне показывал маску Пушкина, снятую с него в день его смерти, она страшно похожа. Витали, который сделал очень похожий бюст Карла Брюллова, делает и бюст Пушкина. Говорят, это не так удачно. Боратынский говорил целый час о смерти Пушкина и о нём самом. Его стоило записывать. Он рассказывал все подробности этой истории, которые были ему сооб-

Валерий МИХАЙЛОВ

щены Жуковским, Вяземским и, наконец, доктором Далем, людьми достоверными. Боратынский говорит, что он умер как христианин и во всём оправдывает Пушкина, а обвиняет его жену. Я верю всему, потому что было заметно, что он и жены его не хотел обвинять из уважения к нему!"

Прошло несколько месяцев – а скорбь о погибшем друге не стала меньше...

Остаётся только пожалеть, что этот неизвестный не записал слов поэта о Пушкине. Но и того, что высказано самим Боратынским в письмах, вполне хватает, чтобы понять, как высоко он ценил гений Пушкина и как любил его.

В молодости они вместе с Дельвигом и Кюхельбекером были собратьями по Союзу поэтов, – и Боратынский не изменил этому братству. В пору пушкинского расцвета, вершин которого было создание "Бориса Годунова", никто иной, как Боратынский предугадал, ещё даже не прочитав трагедии, что она исполнена красот необыкновенных, и обратился к другу с пламенной, торжественной речью:

"Иди, довершай начатое, ты, в ком поселился гений! Возведи русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Пётр Великий возвёл Россию между державами. Соверши один, что он совершил один; а наше дело – признательность и удивление!"

Это написано в декабре 1825 года.

Высокопарно? Да!.. Но вспомним, что слово это соединяет два другие – *высоко парит*: духом, разумом, вдохновением, – то есть взлететь над сиюминутным и разом схватить смысл и сущность явления.

Теперь-то, по прошествии двух веков, очевидно, что эти слова Боратынского были пророческими, что никто лучше его не осознал тогда истинного значения Пушкина в истории русского духа и русской словесности. А ведь Евгению Боратынскому было в то время всего 25 лет, да и Александр Пушкин был всего на год старше...

"В самом деле примечательно, – замечает Гейр Хетсо, – что высказывание это исходит от Боратынского, которого многие ставили наравне с Пушкиным! Но сам Боратынский весьма далёк от мысли сравнивать себя с Пушкиным. Ему с самого начала было ясно, что к Пушкину надо подходить с другой меркой, чем ко всем остальным писателям. Даже когда он позволял себе критиковать *Евгения Онегина*, исходя из требования писательской оригинальности, он ясно сознаёт, что ему "весьма некстати строго критикует Пушкина".

То чувство уважения и восхищения перед Пушкиным <...> вряд ли могло возникнуть от зависти к сопернику. И ничто не указывает на то, что уважение Боратынского к Пушкину с годами уменьшилось. Напротив, оно становилось всё сильнее!"

Боратынский был всего годом младше Пушкина, но однажды признался ему в письме,

что пишет к нему с тем затруднением, с которым обыкновенно пишут "к старшим". Это не иначе как следствие того внутреннего благоговения, которое он невольно испытывал к поэтическому дару Пушкина и его творениям. По-видимому, то же самое испытывал Боратынский и при личных встречах, несмотря на самые короткие товарищеские отощания. "Пушкин здесь и я ему отдал два поклона, – писал он Вяземскому в 1829 году. – <...> Я с ним часто выжусь, но вы нам очень недостаёте. Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух математических линий. Необходимо третья, чтобы составить какую-нибудь фигуру, и вы были ею!"

С годами они встречались всё реже, от случая к случаю, и, понятное дело, несколько отделились друг от друга. У обоих появились свои семьи и хватало житейских забот; каждый шёл своим путём в литературе. Что до личных взаимоотношений, они не прерывались, но, естественно, не могли остаться такими, как в бесечной молодости. Чувства – вещь чрезвычайно тонкая, переменчивая, тут всё – по наитию, по настроению, по прихотям памяти, по стечению обстоятельств места и времени.

Но одно дело жизнь – и совсем другое по-

тому времени породнились: друг его финляндской молодости, к радости поэта, женился на его свояченице, Соничке Энгельгардт, и у них уже подрастала малышка дочь. Вскоре Боратынский побывал в гостях у Жуковского: вместе они разбирали ненапечатанные стихи Пушкина. Боратынский был потрясён, когда прочёл их: "Есть красоты удивительной, вовсе новых и духом и формою, – писал он жене, Настасье Львовне, 6 февраля. – Все последние пьесы его отличаются, чем бы ты думала? Силюю и глубиной! Он только что созрел. *Что мы сделали, Россияне, и кого погребли!* – слова Феофана на погребение Петра Великого. У меня несколько раз навёртывались слёзы художнического энтузиазма и горького сожаления!"

Эти скорбные и торжественные – *высокопарные* – слова звучат посреди в общем-то бытового отчёта жене о прожитом дне. Снова, как и в 1825 году, Боратынским сравнивает Пушкина с Петром Великим.

Николай Васильевич Пугачёв вспоминал, что Жуковский, коему государь поручил разобрать бумаги Пушкина, дал тогда Боратынскому одну из рукописных тетрадей in folio в переплёте. В ней был и неизвестный поэту набросок статьи о нём. "Тетрадь эта оставалась у по-

эзии Боратынского?..

Нет сомнений в том, что Боратынский всегда относился к Пушкину с любовным уважением, даже когда порой критически высказывался в своих письмах о его творчестве. То была не завистливая ревность к товарищу по перу, свойственная тщеславным писателям мелкого разбора, а ревностная любовь к собрату по Парнасу. От гениально одарённого он и ждал гениальных сочинений, оттого был особенно требовательным. Зато и восхищался гением, как никто другой.

Поздний Пушкин, прежде неизвестный Боратынскому, что предстал перед ним в феврале 1840 года в Петербурге, восхитил как никогда. Он увидел поэта, достигшего истинных высот духа и мастерства, познавшего жизнь вполне, с мужеством и смиренном христианом на принимающего всё, что посылает ему судьба. *Вовсе новым духом и формою* стихи Пушкина были необыкновенно созвучны и его собственным мыслям и настроениям. "Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит..." "Не дай мне Бог сойти с ума..." "Отцы пустыньники и жёны непорочны..." "Напрасно я бегу к сионским высотам..." "Когда за городом задумчив я брожу..." "Из Пиндемонти" ("Не дорого цену я громкие права..."), "Подражание итальянскому" ("Как с древа сорвался предатель ученик..."), "Памятник", "Мирская власть" – все эти шедевры Пушкин хранил только для себя и не отдавал в печать, на пустое любопытство досудей толпы, которая всё равно толком ничего не поймёт.

Боратынский осознал эти стихи как поэтическое завещание русского гения, при жизни не понятому по-настоящему никому.

Отвратительное равнодушие части общества к погибшему Пушкину мучило его и вызвало возмущение. Это отразилось в заключительных строках стихотворения "Осень", которое поэт дописывал в феврале 1837 года: *...Но не найдёт отзвуха тот глагол, Что страстно земное перешёл.*

*Пускай, приняв неправильный полёт
И встать стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечёт;
Пусть заманит её другая;
Не яствует земля ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения её далёкий вой,
Равно как в высотах эфира
Её сестры новорождённый свет
И небесам восторженный привет!*

В 1841 году ему припомнились народные гуляния в Новинском под Москвой: там они были с Пушкиным в сентябре 1826-го, когда тот вернулся из псковской ссылки. Нарядная толпа разглядывала знаменитого поэта... а вот когда он погиб – далеко не все пожалели его. Боратынский заново переработал своё старое стихотворение, посвящённое другу. В первом варианте, 1826 года, "красота" своей улыбкой оживляет поэта, – в новых стихах всё загадочней, и, даже если речь по-прежнему о красоте, она оказывается – роковой, губительной. Но, может, тут говорится уже о судьбе?..

*Она улыбкою своей
Поэта в жертвы пригласила,
Но не любовь ответом ей,
Взор ясный думой ослепила.
Нет, это был сей лёгкий сон,
Сей тонкий сон воображенья,
Что посылает Аполлон
Не для любви – для вдохновенья.*

А ещё через два года Боратынский написал одно из самых горьких своих стихотворений – о посмертной судьбе поэта. Оно кому о чём?.. то ли о Пушкине, то ли о себе самом... *Когда твой голос, о поэт,
Смерть в высших звуках остановит,
Когда тебя во цвете лет
Нетерпеливый рок уловит, –*

*Кого закат могучих дней
Во глубине сердечной тронет?
Кто в отзвухе гибели твой
Степённый гродию восстанет,
И тихий зроби твой посетит,
И над умушкой Аонидой
Рыдая, пепел твой почтут
Нелицемерной панихидой?*

*Никто! Но сплосится певцу
Клане намеднишним зилом,
Уже кающимся мертвецу,
Чтобы живых задеть кадилом.*

ВЫСШИЕ ЗВУКИ

Глава из новой книги
"Боратынский"

эзия: жизнь разводила в стороны, а поэзия сближала...

Скорбь по Пушкину была у Боратынского искренней, сильной, глубокой – непреходящей. Поначалу, как заметил М.Л. Гофман, поэт попросту негодовал, как друзья Пушкина могли допустить его смерть, – "и впал в состояние, близкое к отчаянию и болезни души".

Узнав, что в Петербурге издаётся 5-й том "Современника" в память Пушкина и в пользу его семьи, Боратынский отправил Вяземскому своё едва законченное стихотворение "Осень" – одно из самых прекрасных и глубоких своих произведений. "Препровождаю вам, – писал он, – дань мою "Современнику". Известие о смерти Пушкина застало меня на последних строках этого стихотворения".

Не слухись благотворительного издания, Боратынский наверняка бы ещё долго отделял это большое и сложное стихотворение, прежде чем отдать его в печать. Потому поэт и объяснялся вдруг Вяземскому, невольно приоткрыв свои творческие тайны:

"Всякий работает по-своему. Лирическую пьесу я с первого приёма всегда набрасываю более чем с небрежностью; стихами иногда без меры, иногда без рифмы, думая об одном её ходе, и потом уже принимаю за отделку подробности. Брошенную на бумагу, но далеко не написанную, я надолго оставил мою элегию. Многим в ней я теперь несводительно, но решаюсь быть к самому себенисходительным, тем более что небрежностью, мною оставленной, кажется, угодны судьбе. Препоручаю себя вашей дружеской памяти".

Смерть – всех загадок разрешенье; она разом выявляет сущность и значение человека в той полноте, что прежде была недостижима. Опдаёт шелуха привнесённых жизнью личин – проступает лик.

Вяземский недаром прозрел лишь по кончине Пушкина – признавшись, что поэт не был понят при жизни даже его друзьями, не говоря о людях к нему равнодушных. И Боратынскому истинный Пушкин – открылся только по смерти...

Через три года, в феврале 1840-го, Боратынский приехал в Петербург. Остановился в доме Пугачёва на Почтамтской улице, близ Исаакиевского собора. С Николаем Пугачёвым они к

следнего самое короткое время; он был уже в отъезде и просил меня тотчас возвратит её Жуковскому, что я и исполнил. Кроме помнящего отрывка, в этой тетради находились не-

которые другие статьи в прозе и клочки дневника Пушкина разных годов. Помню из него почти слово в слово следующие места: 1) число, месяц, "Сегодня приехали в Петербург два француза, Дантез и маркиз Пинна". В этот день ничего более не было записано. Что замечательного мог найти Пушкин в их приезде? Это похоже на какое-то предчувствие!"

7 февраля Боратынский провёл утро с Вяземским: говорили о Пушкине. Вяземский предложил ему навестить вдову поэта, сказав, что она очень признательна всем старым друзьям мужа, которые посещают его дом. Боратынский намеревался это сделать, но вскоре повстречал Наталью Николаевну в салоне Карамзиных.

"Вяземский меня к ней подвёл, и мы возобновили знакомство, – сообщал он жене. – Всё также прелестна и много выиграла от привычки к свету. Говорит ни умно ни глупо, но свободно. Общий тон общества истинно удовлетворяет идеалу, который составлял себе о самом изянком, в молодости по книгам. Поэта непринуждённое и учтивое, обратившиеся в нравственное чувство. В Москве об этом не имеют понятия".

По приезду Боратынский писал к маменьке в Мару, что возвратился из Петербурга в лучшем настроении, нежели мог ожидать. Откуда это настроение? Не от новых ли стихов Пушкина и той недописанной пушкинской статьи о

МОЙ ПУТЬ

Я там ходил, где быть опасно,
И не ходил в ненастье вспасть,
Но не имел в душе соблазна
Себя героем выставлять.

Живя с эпохой бок о бок,
Я упрекал себя не раз,
Что был в дерзанных часто робок,
Сдавал позиции подчас.

Хотя в избытке беспокойства
В дни испытаний не молчал,
Однако признаков геройства
Я у себя не замечал.

Носить случилось ноши по две
Во имя правды и любви,
Но не считал, что это подвиг,
Был просто честен пред людьми.

КРЫМ

Снят трезубец украинский,
Здесь нехатаи больше он.
Трикопёр родной российский
Вновь над Крымом водружён.

И полны морской отваги
Неизменно, как всегда,
Все андреевские флаги
Гордо реют на судах.

Укрепляет разум силу,
Наше сердце веселая,
Возвращается в Россию
Наша крымская земля.

Отключается нам эхом
Крым историй своей.
Здесь и Пушкин, в ней и Чехов
И страда военных дней.

Крым – земля людей отважных.
Всё в нём ладно, все всерьёз.
Побывал я в нём однажды,
Но в душе с собой увёз.

ХРАМ ПОКРОВА

Хочу в былое пристальной взглядеться,
И в главном храме игры училили,
И с эхом забавлялись в полутьме.

Но красоту его не оценили
По глупости, душевной простоте.

Нам этот опыт позже пригодился,
Когда на зрелость обрели права,
А вечером смогли мы породниться
Душой и телом с храмом Покрова.

Садилось солнце,
лик свой ясный хмуря,

Ударил гром, чтоб небо расколоть,
И глядь Онега всколыхнула буря
Такая, что не приведи господь!

Иван КОСТИН **Живая прелесть первородства**

И мы нашли приют
под крышей храма
Среди ликов уцелевших на стене,
А дождь по крыше молотил упрямо,
Как страдный стук
молотбы на гумне.

Директор не терял своей осанки,
И сами мы держались, как могли.
А вскоре сердобольные крестьянки
Нам в трапезную снеди принесли.

Мы на широких лавках
сладко спали
С избыточной усталостью к тому ж,
И ангелы во сне средь нас летали
И охраняли святость наших душ.

А утром божий свет едва пробился
К нам в трапезную в узкое окно,
И каждый словно заново родился
И быть ему счастливым суждено.

Ещё сверкала пена от прибора,
Напомянув нам ночную жуть,
А озеро своей голубиною
Нас призывало на обратный путь.

СЛОВА

Их сотни раз произносили
В дни общих бед или торжеств,

Но остаются в прежней силе
Их смысл и звука каждый жест.

Скажу и в-третьих,
и в-четвёртых,

И повторять я буду вновь,
Нет слов унылых и затёртых,
Когда вдыхаешь в них любовь.

Звучат на дружеских пирушках
И в песне, где привольно жить.
Им в мальчишках на побегушках
Порой приходится служить.

Тогда мы видим, как непросто
Их сохранить и передать
Живую прелесть первородства
И вековую благодать.

К ним, как к священному колодцу,
Я припадаю с давних пор.
Но есть среди них слова-уродцы,
О чём особый разговор.

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ
Он молнию из слова высекал,
Стальным клинком
его звучала фраза.

Поэта голос эхом между скал
Звучит в ущельях древнего Кавказа.

Он в отпуск, нетерпением томим,
Летит сквозь ветер.

Плечу греет бурка,
Распахивают двери перед ним
Все лучшие салоны Петербурга.

Он на паркетных витязей глядел
Угрюмым взором, но душою светел.
К балам великосветским охладел
С их пустотой и пустотой сплетен.

Поручик,
то есть старший лейтенант,
Ему востока дух казался близким.

И, слава богу, что его талант
Ещё при жизни оценил Белинский.

Он горному орлу душой сродни
Поднялся над эпохой, мыслью вея,
А между тем его земные дни
Отсчитывало равнодушно время.

ВЫСТРЕЛ

Я снова читал до рассвета
Стихи его, словно дневник.
О жизни и смерти поэта
Написано множество книг.

И валится книга из рук.

Я все перечту их, но буду
На факты смотреть свысока
И верить нелепому чуду,
Что пуля ушла в облака...

И всё же когда воскресает
Пред мысленным взором Машук
Мне душу
тот выстрел пронзает,
И валится книга из рук.

КАРЕЛИЯ

Карелия моя лесная,
Страна озёрная моя.
Так о тебе сказав, я знаю,
Не только в этом суть твоя.

При этом буду только краем
Ходить у правды наяву,
Когда тебя былинным краем
По правде сердца назову.

И никогда твой образ главный
Не дорисую до конца
Без луговых просторов Ладвы,
Равнин седого Олонца.

Без синей Ладоги безбрежья,
В себе вместившей небосвод,
Без зорь родного Заонежья,
Над синевой онежских вод.

Припомню я лёгкие медвежий,
Былинной Пудги края;
Громады дымные Сегежи,
Где зрела молодость моя;

Как поколение наше крепло
И поднималось в полный рост,
Как возводили мы из пепла
И из руин Петрозаводск.

С высоким именем Россия
Мы жизнь вошли, чтоб созидать,
Чтобы была ещё красивой
Родного края благодать.

Не потускнеют наши взоры,
И не умолкнут голоса,
Пока колышутся озёра,
Шумят зелёные леса.

ЗОЛОТО

Скажу без всякого лукавства
Со всей душевной простотой,
Что не хочу иметь богатства
С их показною мишурой.

Успехом в деле, как и прежде,
Живу – в том свет моих очей,
Пусть толстосум в своём коттедже
Над златом чахнет, как Кощей.

Но на судьбу я не в обиде,
Что нет ни злата, ни денег,
В священном русском алфавите
Мои сокровища лежат.

И в глубине его бездонной
Ищу, зажав в руке перо,
В полдневный час
иль в час бессонный
Желанных строчек серебро.

И ликовать душа готова
От той удачи непростой,
Когда серебряное слово
Сверкает крупицей золотой.

В том упоении нечастом
Душой светлее становлюсь
И этим золотым богатством
Со всеми искренне делюсь.